

Банников

А.П. БАНИКОВ

Судьба на фоне коллекции¹

Собрание театральной живописи князя Н.Д. Лобанова-Ростовского

Эта рукопись пролежала в столе шесть лет (2002–2008). Анатолий Павлович² в 2008 г. сдал ее на хранение в Русский музей (Санкт-Петербург). В 2014 г. я попросила мне ее вернуть. Рукопись публикуется без корректировки на время.

Л.В. Банникова

ОТ АВТОРА

О коллекции театральной живописи Н.Д. Лобанова-Ростовского написано очень много. Это многочисленные публикации и интервью самого Никиты Дмитриевича, научно-популярные статьи И.С. Зильберштейна, Н.Г. Щегловой, А.А. Савинова, Д.В. Сарабьянова, М.П. Пожарской, множество каталогов выставок лобановского собрания, в которых принимала деятельное участие его жена Нина и, наконец, большое исследование Д. Боулта «Художники русского театра. 1880–1930».

Казалось бы – зачем еще одна работа? Затем, что коллекция Н.Д. Лобанова-Ростовского неисчерпаема. Она – явление уникальное, не имеющее аналогов в истории русского собирательства, и всегда найдется сказать о ней то, что прошло мимо внимания предыдущих исследователей. Например, о коллекции П.М. Третьякова существует океан литературы, но это не значит, что о ней все сказано. О любом собрании можно говорить бесконечно.

В середине 2001 г. Н.Д. Лобанов-Ростовский связался со мной из Лондона, где он проживает, и я предложил ему написать о его коллекции. Он согласился, причем не ограничил меня ни в жанре повествования, ни в его объемах, ни во времени. Так родилась эта книга, дань уважения к гражданскому подвигу одного из крупнейших собирателей нашей эпохи, коим по праву является Н.Д. Лобанов-Ростовский.

Выражаю сердечную благодарность князю Н.Д. Лобанову-Ростовскому (Лондон) и Главному Герольдмейстеру Российского Дворянского собрания С.А. Сапожникову (Москва) за предоставление трудно находимых

¹ Банников А.П. О собирателях и собирательстве. Краснодар: Stadtgespraech, 2015.

² Банников Анатолий Павлович (1938–2011) – геолог и знаток русской и европейской живописи, исследователь известных и забытых коллекций.

материалов о лобановской коллекции и постоянные консультации. Моя искренняя признательность Е.Б. Мозговой, А.В. Корниловой и Т.В. Макаровой (Санкт-Петербург) за справки о книгах по истории петербургской архитектуры.

А.П. Банников

Декабрь 2002 г., г. Приморско-Ахтарск

ДЕТСТВО НИКИТЫ

Никита в болгарском костюме

Ирина Васильевна
Вырубова, в зам. Лобанова-
Ростовская, мама Никиты
большое впечатление на
бог, чтобы это было так

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился в Софии 6 января 1935 г. Он Рюрикович в XXXIII колене. О раннем детстве его (четыре года) существует свидетельство архиепископа Албанского, который приехал в Софию на конгресс балканских православных. Это был очень известный церковный деятель, сторонник Евлогия. «...Архиепископ в ночь под Новый год в присутствии всех гостей говорил, какое впечатление составил у него Никита. Он сказал, что Никита – это необыкновенный ребенок. Такие дети рождаются один на тысячу. Что он не только принесет пользу России, но что он повлияет на весь мир. Что он видит Божий отпечаток на этом ребенке, что у него необыкновенный свет в глазах, который Господь посыпает только исключительным людям. Просил меня беречь здоровье Никиты, нужно чтобы он вырос здоровым и крепким, чтобы ему помочь исполнить ту колossalную задачу, которую, безусловно, Господь возложит исполнить в жизни его. Он мне сказал: не только Вы прославитесь, что Вы его мать, а все близкие и родные его. Таких детей нет, это необыкновенный ребенок; столько живости, столько радости и такая энергия могут быть только даны Богом человеку, которого он отметил, чтобы делать великие дела впоследствии. Он сказал еще массу вещей, которые я уже не помню. Все это произвело сеих гостей, и все меня тут же поздравляли. Дай – свидетельствует мать Никиты в письме к тете

Кире Николаевне Галаховой в январе 1939 г.³

До Второй мировой войны, при царе Борисе III, семья Лобановых жила хорошо. Мальчик учился в гимназии и говорил на четырех языках. Родители часто ходили в театры и брали с собой сына, он жил в мире оперы, балета, драматических спектаклей.

Капитан Джесси Мареско, София, 1945

Е.И. Иванюк с малым Никитой; за ними Сергей Здеховский, София, 1937

Когда кончилась война, в 1944 г. власть в Болгарии захватили коммунисты. Все резко изменилось в худшую сторону. Родители Никиты решили бежать во Францию, где в Париже жили родственники матери. Это было в конце октября 1946 г. Побег решили совершить через Грецию, где граница плохо охранялась греками. Организовал побег командир Мареско, сотрудник британской разведки. За большие деньги был нанят проводник Данчо Пеев, бывший болгарский офицер-пограничник. Когда были примерно в трех километрах от границы, на греческой территории, их следы на снегу увидели болгары. Они вошли в Грецию и арестовали их, а затем доставили в военную тюрьму в Софию. Приводим протокол допроса матери Никиты службе безопасности. Когда в конце 1980-х годов в Болгарии установилась демократическая власть, и архивы ГБ были рассекречены, Никита Дмитриевич получил копию.⁴

<...>

В тюрьме все Лобановы просидели около года, причем Никиту выпустили через девять месяцев, а родителей – через год. Время это, без родителей, было для мальчика очень трудным и безрадостным. Он вышел из тюрьмы без средств, квартиры, одежды. Но больше всего угнетало отсутствие родителей. Никита вспоминает, что его приютила няня Елена Ивановна Иванюк, работавшая в русском клубе посудомойкой. Этой простой русской женщине он остался

благодарным на всю жизнь. Никита научился воровать, в тюрьме ходил в мешке с прорезанными отверстиями для головы и рук, собирая окурки и доставал из них табак, который сушил и продавал цыганам. Н. Данилевич

³ Письмо И.В. Лобановой-Ростовской к К.Н. Галаховой от 12 января 1939 г. Архив Н.Д. Лобанова-Ростовского. Лондон. Публикуется впервые.

⁴ См. раздел «Материалы из архива Болгарской госбезопасности» (ред.).

свидетельствует: «Однажды я спросила Никиту Дмитриевича, какие воспоминания из прошлого чаще всего беспокоят его. Он ответил: „Тюрьма. Когда меня и родителей арестовали, то, конечно же, разделили. Во всех камерах не было окон, кроме моей, так как она находилась в конце коридора. Мне было слышно все, что происходило на тюремном дворе, и я замирал от ужаса, когда раздавались крики избиваемых людей. А по ночам их расстреливали. Эти выстрелы я очень хорошо слышал, несмотря на то, что тюремщики пытались заглушить их, включая моторы грузовиков. Но зато, благодаря этому окну, я узнал, что мой отец еще жив и находится в той же тюрьме. Раз в месяц в тюрьму приходил парикмахер и стриг заключенных в коридоре возле моего окна. Однажды я услышал, что кто-то насвистывает старый английский военный марш «Дорога в Типперэри далека». Я понял: это отец и подхватил мелодию. Так мы узнали, что находимся рядом друг с другом“».

Д.И. Лобанов-Ростовский
после выхода из тюрьмы,
1947. Костюм и рубашка
были дарованы ему
болгарскими чекистами.

Васильевну задержали в участке, мы были почти уверены»⁵.

Отца выпустили из тюрьмы в 1947 г. Но не выпустили из поля зрения службы безопасности. Болгарские смершевцы работали по русским методам, вероятно, там сидели русские «специалисты», потому что в документах встречаются часто русские фамилии следователей, начальников отделов. Через год, когда Дмитрий Иванович вышел за молоком, – домой он не вернулся (напомним читателям, что точно при таких же обстоятельствах, но в другой стране – Югославии – был

Существует важное свидетельство о поведении в тюрьме отца Никиты Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского. В письме Владимира Юрьевича Макарова, друга семьи Лобановых, в сентябре 2001 г. он писал Никите Дмитриевичу: «...О Дмитрии Ивановиче говорил он, Данчо Пеев, очень тепло, с уважением: на допросах держал себя Дмитрий Иванович мужественно – это точно – и ничего, что могло бы повредить Данчо Пееву, не выдал. Излишне обсуждать, насколько сделать это было трудно».

«Тот факт, что Лобановы попали в руки военных властей, а не в руки „държавна сигурност“ (болгарская госбезопасность. – А.Б.), болгарский НКВД, мы все на воле, рассматривали скорее как удачу. Думаю сейчас, так оно на самом деле и было... В том, что родителей выпустят после того, как Ирину

⁵ Архив Н.Д. Лобанова-Ростовского. Лондон.

арестован Василий Витальевич Шульгин, член последней Государственной Думы). Когда в Болгарии стала демократическая власть, в конце 1992 г. Никита Дмитриевич узнал, что отец был расстрелян в лагере уничтожения под Пазарджиком. Убивали там всех заключенных, впоследствии расстреляли и охрану. Остался в живых только начальник лагеря, он-то и рассказал Никите Дмитриевиче о смерти отца. Дмитрий Иванович погиб 13 октября 1948 г. в возрасте 39 лет. История эта типична для так называемых «социалистических стран» – они находились под полным контролем Сталина, и госбезопасность убивала и своих, и чужих...

Недавно Никите Дмитриевичу показали папку из болгарского СМЕРШа⁶. В ней он прочитал докладную записку, относящуюся к делу отца:

Товарищ начальник!

Прошу распорядиться перевести в архив переписку, так как субъект скончался и бумаги утратили актуальность для оперативной работы отделения.

Предлагает: старший следователь лейтенант Додников.

Одобрено: начальник 8 отдела командир Божков.

Н. Лобанов в бассейне «Мария Луиза», София, 1949

Название документа «Докладная записка о перемещении в архив переписки, касающейся Дмитрия Ивановича Лобанова, сосланного в лагерь «С» в городе Пазарджик в 1948 году». Документ этот опубликовала журналистка Катя Савицкая в журнале «Числа» № 8 за 2001 год.

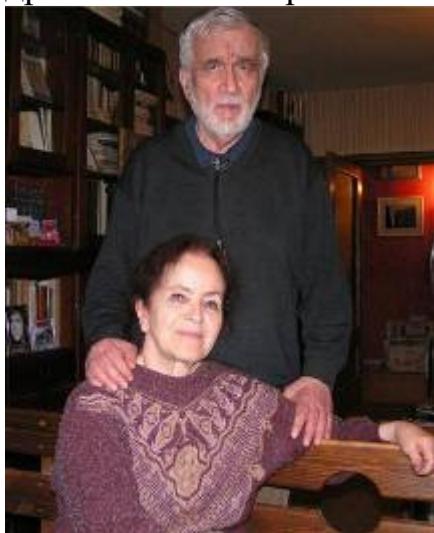
В детстве Никита много занимался плаванием и стал юношеским чемпионом Болгарии на дистанциях 100 и 200 метров в стиле брасс. Заниматься спортом он начал после выхода из тюрьмы, где врач сказал ему, что если он не будет заниматься плаванием или хоккеем, то у него разовьется ракит. Между прочим, занятия плаванием проводились с тайной целью – оно могло служить средством побега из Болгарии. Турция была рядом... Эта мысль прочно засела в мозгу Никиты, хотя он и понимал сложность ее осуществления. Слава

Богу, до ее реализации дело не дошло. Второе сильнейшее увлечение Никиты – геологический кружок. Страсть к минералам, горным породам, необыкновенной красоты кристаллам и дружам навсегда вошла в душу

⁶ Архив Дирекции полиции. Арх. Ф, Оп. 5. Д. № 956.

мальчика. Он собрал большую коллекцию минералов, которую из-за нужды пришлось продать. На деньги, вырученные от продажи, они с мамой жили месяц.

Любомир Левчев, в прошлом председатель Союза писателей Болгарии и член ЦК Болгарской компартии: в 1988 г. вышла его книга «Убей болгарина», в которой он дает характеристику своему однокласснику Никите Лобанову-Ростовскому, каким он запомнился ему на фоне того драматического времени.

Любомир Левчев с супругой
Дорой

«Осенью 1949 года я поступил в гимназию. Я обратил внимание на то, что один из моих соучеников, так же как и я, ездил туда издалека на моем трамвае № 5. Мы вместе сходили на остановке «Александровская больница» и не спеша плелись по бульвару Славейкова, даже вопреки тому обстоятельству, что вечно опаздывали в гимназию. Эта общность судьбы нас и подружила. Мы даже сели за одну парту, в последнем ряду у окна! Мой соученик Никита Лобанов был высокого роста, как и я, но более стройным и привлекательным. Он был ироничным, иногда даже наглым, что помогало ему

хранить тайну доброго сердца. Думаю, что все ученики нашей школы были одеты лучше, чем я. Никита же был одет как маленький принц. Принцем он не был, но, как выяснилось, был князем. Каждый белогвардец в Болгарии после второй бутылки утверждал, что он граф. Но князья даже в русском кабаке – большая редкость. Позже я узнал, что малый, разделявший со мной парту, был князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. Одно из немногих имен, сохранившихся со времен варяга Рюрика. Это была старинная благородная фамилия, которую Лев Толстой переиначил, видимо для собственной безопасности, в Ростовых, когда писал „Войну и мир“. Одет князь был ни шикарно, ни экстравагантно. Одежда его приходила в посылках из Парижа и, соответственно, он отличался от всех нас как белая ворона. Кто в то время носил замшевые панталоны, башмаки на каучуке и пуловер английской шерсти?

Были области знания, в которых я был до смешного невежествен по сравнению с князем, например, в любви. Или в знании иностранных языков. Никита говорил по-русски, по-французски или по-английски лучше, чем по-болгарски. Что же касается других предметов, например политических наук, тут ему вполне светила возможность не перейти в следующий класс. Думаю, что именно эту хитрость он использовал, чтобы

убежать из элитарной Второй мужской гимназии и перебраться в Пятое единое училище имени Ивана Вазова в предместье Павлово.

В конце концов, я сбежал из гимназии, а вслед за мной и князь. В те времена Пятое единое было чем-то совершенно невообразимым... Многие были попросту выгнаны из других гимназий. Присутствовали и ломброзовские физиономии, ходившие с ножами и наточенными отвертками и не особенно скрывавшие их. Педагоги, в свою очередь, были неким коктейлем, вполне соответствующим этой опасной компании. Некоторые были опытными, но политически неблагонадежными учителями еще старой школы. Как два беглеца или новичка, мы не могли занять подобающее нам место в этом обществе. Оба мы были членами геологического кружка, который возглавлял член БКП Иван Паяков. Кружок собирался в поход на Родопские горы вблизи от греческой границы. Никите, увлекающемуся геологией, очень хотелось пойти вместе со всеми. Но шансов у него было мало, так как его отца считали врагом народа. И вот в „каменный штаб“ вызван кандидат в поход князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Мы побаивались, что он не сможет пройти это испытание. Я предполагал, что Паяков задаст ему вопрос на засыпку. Например: „Кто генсек Монгольской компартии?“ И я все время говорил Никите, что имя генсека Чойбалсан. Наступила решающая минута встречи с Паяковым, и Никита превратился в какого-то мотылька. Он вел себя, как Иванушка-дурачок. Паяков глядел на него с любопытством, но без злобы. Вместо того, что бы пить из Никиты кровь или наслаждаться его прощальным визгом, он взял образец минерала и бросил его Никите. Он ловко его поймал, так как был пловцом и ватерполистом.

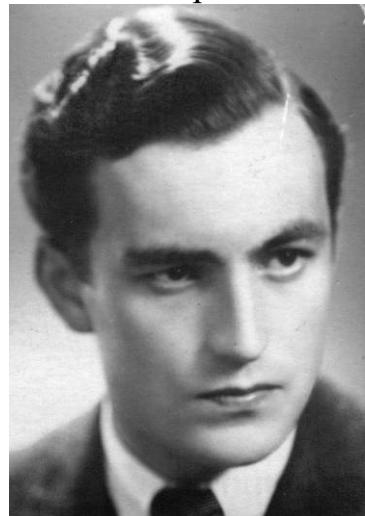
- Что это?
- Пирит.
- Пирит или халькопирит?
- Пирит.
- Почему?
- Форма кристаллов, цвет, присутствие кварца...
- Паяков засмеялся и сказал: „Хорошо, я принимаю тебя в свою группу, готовься“. Некто услужливо шепнул руководителю:
 - Знаешь, из какой он семьи и кому служил его папаша?
 - Папаша его служил, кому хотел, а этот будет служить нам. Это даже занятно – иметь с собой князя в походе».

О детстве Никиты есть впечатляющий документ – дневник, который он вел сначала 1948 г. до начала августа 1953. В нем мы видим наглядно интеллектуальный рост ребенка, его критическое отношение к бесчеловечному социализму, самокритичное отношение к своим грешкам, думы о будущем. Перелистаем страницы дневника, которые нам любезно предоставил Никита Дмитриевич. Он озаглавил его «Отрывки из дневника

на протяжении пяти лет». Первая запись сделана в тринадцатилетнем возрасте.

«23.01.1948. Утром встал, как всегда, в 8 ч. После завтрака сел учить уроки. К обеду я кончил и сразу после этого оделся и пообедал. Потом с Федей пошли в школу (французскую). Там надеялся увидеть Светлану, но ее не было. Я сел на скамейку и начал учить verbe (глаголы). Пробил звонок, и мы вошли в класс. Учился я нехорошо и ожидал с нетерпением звонка. В 5:30 мы вышли, и я пошел к окнам 1-го класса, где учится Федя Егоров. Я свистнул, и он меня увидел. Мы вышли вдвоем и пошли покупать книги. Вернулись мы домой довольно поздно. Но нам не было сделано замечание. После ужина мы уселись на кровать, и папа нам читал „Тараса Бульбу“. В 8:30 я лег спать.

04.09.1948. Очень много важных новостей совершилось со дня, как я не писал. Во-первых, папу похитили, когда он пошел утром за молоком. Он не вернулся. Мы его очень долго ждали, но так и не дождались. Я научился очень хорошо плавать и мог бы состязаться. Но не могу, потому что болею синуситом. Научился и нырять с 5-ти метров. <...> Мы надеемся уехать, и потому я не записался в школу. Но мне не верится, что мы уедем. Все эти дни я «гоняю» и ничего не делаю. Сегодня вечером пойду в Клуб советских граждан.

Володя Макаров, София, 1943

11.09.1948. Вчера приехал из Пловдива. Был я там 2 дня. Город мне не понравился, но хорошо то, что там проходит река Марица посередине города, в которой можно купаться. Город довольно грязный и потому на каждом шагу чистильщики сапог.

Меня хотят записать в болгарскую школу в Княжево. Мне очень не хочется, но что делать?

17.09.1948. Меня в школу мама не записала, а хожу я к Ольге Михайловне Сквициной и беру уроки по французскому языку.

21.09.1948. Продолжаю брать уроки у Ольги Михайловны по утрам. Пока еще не успелся с Володей Макаровым насчет уроков, которые он мне будет давать. Он должен к нам прийти завтра или послезавтра. От папы нет никаких известий. Мне купили меховые перчатки и хотели купить тулуп, но не было хороших. Ждем постоянно ответа из милиции об отъезде. Завтра у меня урок в 8:30 утра. Я очень доволен, что не хожу в болгарскую школу, потому что надо было бы остричь волосы до черепа.

12.03.1949. 10-го у меня родились зайчики. Я был со Светом на агрономическом факультете на лекции. Думаю туда ходить почаще. Мама купила замороженные плоды, от которых я получил расстройство.

Манафова (учительница в школе) больна. Она не приходила целую неделю.

21.03.1949. Сегодня первый день, как я выйду, и 3-й раз в эту зиму, как я болею ангиной. Она у меня началась 13-го и еще не кончилась. За время болезни я прочел довольно интересные книги: „Спутник юного туриста“, „Занимательная минералогия“ Ферсмана и другие. Не знаю, как я выйду, потому что у меня горло царапает. Дела плохие. Не могу никак достать серной кислоты, чтобы делать опыты. Свет часто к нам приходит, и мы с ним беседуем, что было бы, если бы... Он хороший малыш, но очень несамостоятельный. Мама куда-то ушла и не приходит. Она все думает уехать – да не можем, черт возьми.

Кира Николаевна Галахова,
золовка В.В. Вырубова,
деда Никита, 1923

22.03.1949. Утром я был в Софии у парикмахера, которого в субботу закрывают, потому что М. Рот уезжает в Израиль. Но дядька, который меня стрижет, мне сказал, где, может быть, я его смогу найти.

Мама на обед пошла в милицию, чтобы разговаривать. В школе в первый раз нам дали витамины, содержащие рыбье масло. Вчера мы получили много писем. Тетя Кира пишет, что послала нам подкладку для костюма.

23.03.1949. С нетерпением жду утра. Рассвет. Я поехал на вокзал. Там было довольно много студентов. Доцент Иван Костов⁷ и его ассистент⁸ еще не пришли. Наконец, к 8-ми часам мы тронулись поездом. Немного перед Искарским ущельем я заметил зонды (т.е. буровые вышки. –

А.Б.), и мне сказали, что там ищут уголь. Входя в ущелье, очень ясно было видно состав гор: „красный песчаник“ или „бундзенштейн“, как его называют в Германии. Через час бундзенштейн начал заменяться глиной, которая очень сильно спрессована и содержит углерод. Из нее делали раньше доски для писания в школах. Наконец, село Бов. Все выходят из поезда. Выйдя направо от вокзала, профессор нас собрал и сказал нам цель нашего путешествия, и что мы сможем найти. Продолжая путь по той же самой дороге, мы пришли на первую каменолому, которая самая безынтересная. Там можно было найти только листовидный кварц. Дальше, по дороге, уже можно было найти правоклинные кристаллики кварца, а в последней каменоломне были уже руды: халькопирит, малахит, гематит и много других. Собирая руды, Свет заметил несколько пещер на

⁷ Костов Иван – академик, один из лучших минералогов мира, автор многих монографий, переведенный на английский, русский, японский и др. языки (ред.)

⁸ Стефанова-Минчева Иорданка – старший научный сотрудник, специалист по изучению рудных материалов (ред.)

вершинах, на которые он мне предложил подняться. Я не захотел, но он умудрился подняться и принес оттуда несколько сталактитов. В час мы вернулись на вокзал, где пообедали и отдохнули до 2:30. Потом мы пошли в противоположную сторону и дошли до одного притока Искры и поднялись по нему около 200 метров. Тут мы остановились. Доцент Костов предложил некоторым подняться наверх и найти одну гематитовую мину. Так как мой ранец был уже полон, я не поднялся, но Свет пошел... Свет был счастливым. Он поднялся и нашел „находище“ (друзу) кварца. Он сошел совсем измощденным, но зато принес чудесные кристаллы. Профессор Костов хотел взять одну из его находок, но оставил ее. Вечером мы приехали очень довольные и счастливые, потому что делали планы, когда нам туда поехать специально для поиска кварцевых кристаллов. И, надеюсь, если в воскресенье мы не поедем куда-нибудь, то поедем туда.

29.03.1949. Меня заставили в школе Васила Петлешкова сбрить голову. Мне страшно неприятно так ходить.

26.09.1949. Я поступил во 2-ю мужскую гимназию. И сразу же заболел. Сначала у меня была ангина, но я плевал и ходил в школу. Но потом слег с инфлюэнцией. Только выздоровел, как мама слегла. Увидим, чем кончится. Мы остались без гроша и живем чертовски (трудно). Часто недоедаю. Например, сейчас не знаю, чем обедать. Проклятые черти... Вот.»

Пятнадцатилетний возраст:

Платон Чумаченко, София, 1951

Витоши, так как турмалины, которые мы там нашли, оказывается, очень редкие. Но когда я решил поехать, мне весь день не везло. Во-первых, Платон Чумаченко не пришел вовремя, и мне пришлось снова возвращаться к нему. Потом мы пропустили еще два автобуса по разным глупым причинам и попали во Владаю в 12. Турмалины были разграблены. Итак, в этот день я ничего не смог найти. Фотоаппарат я купил, но не дешево – 28.860 левов. Фойкландер „Беса 66“. Все очень недовольны, Я не умею им пользоваться. А когда я научусь, не знаю.

«13.04.1950. Снова в постели. Я просто не знаю, от чего я так часто болею. А в этот раз, 19-го, состязания. Я не тренируюсь. А какой будет результат? Черт его знает. Слабо ли я питаюсь и потому часто болею? Ничего не понимаю. С мамой все время продолжаю сердиться. Как жалко, что она все-таки такой человек. Меня очень тянуло во Владаю на склонах

Ян Шпиллер, София, 1945

Кристофер Лопп и Леня Ратиев, София, 1953

Я пробегаю по страничкам прошлого года, и мне делается жаль за то, что я терял тогда свое время. Очень мало людей, по-моему, которые знают, что значит часок времени. Но человек, сидящий немало в тюрьме, ответит, наверное, правильно. Не знаю почему, но мне кажется, что я все могу делать, кроме того, что мне надо: вот могу писать дневник, читать роман, но тронуть школьный учебник найн (нет). Я решил месяц тому назад купить велосипед, но отказался. Стоит 45000 левов, что, правда, не стоит. И для чего он мне будет нужен? В Софию поехать нет смысла, это трата времени и сил. Да и там его негде ставить, так как их очень много крадут. Жить становится худо: Шпиллеры уехали в СССР и очень жалко, так как Ян Всеволодович был, так сказать, единственный человек, с которым можно было бы поговорить. Просто не могу выносить болгар. Очень уж простые люди.

26.06.1950. Школа закончилась. Нас распустили. Я весь день теряю время. Погода плохая, и на пляж я редко хожу – только, чтобы выкупаться. Завтра состязания, но я совсем не готов. А при этом придется плыть 100 м, а я теряю свой стиль. Я часто встречаюсь с господином Лопп (Loppe, каждый вторник). Он дипломат во французской миссии. Знаком с ним и Леня. Он нам дает книги. Мы с ним разговариваем часто о жизни и о политическом положении страны. Не могу только его понять, кто он такой. Под конец триместра, во время английского урока, к нам в класс начали приходить стажерки. Мне с первого раза бросилась в глаза одна из них. Я подумал с ней познакомиться. Почему-то и она меня тоже заметила. И так мы с ней познакомились. Я ее

встретил в коридоре и предложил встречу. Она пришла. Первые две встречи систематически запаздывала. Но сейчас перестала. Она кончила филологию и много читала. Но не знаю, все-таки, что она за человек.

Очень страстная. Мне она нравится, но я ее не люблю. В воскресенье вечером я с ней снова встречусь. Думаю, что скоро будет конфликт. Маму все мотают. В милиции нет ответа. Не люблю невоспитанных людей и

жалею, что я не очень воспитан. Тяжело, что нет отца. Читаю А. Моруа „Климаты“ и Эренбурга – думаю, что для него я слишком молод.

14.09.1950. Много прошло интересного. Лето я провел в Варне, около 20 дней. Был я на аквариуме. Ездили в Шаблу (Добруджа). Вернулся я на республиканские состязания. Потренировался недельку и только вошел в форму, как разболелся ангиной. Потом, через 2 недели, снова заболел ужасной болезнью, раночки во рту. Мама заразилась от меня, и она заболела тем же самым. Так лежим мы вместе. Школу я пропустил и пойду, наверное, в понедельник. Получили письмо от генсека Червенкова, что он занялся нашим делом. По-моему, здесь себе поставили за цель нас не выпускать.

29.09.1950. Вчера были мои именины, и я объелся здорово. Зато сегодня утром у меня были боли в желудке довольно сильные. Нам сегодня в школе предложили изучать кинематографию. Увидим, если что-нибудь выучу. Сегодня первый раз, как я остался вечером дома. Обыкновенно я хожу в бар, Русский клуб или кино. Не пошел я и на тренировку. Я пока не плаваю серьезно, а тренируюсь на хоккей на льду. Но так как это происходит на пляже, то я там и плаваю. Ждем каждый день, чтобы американцы взяли бы Сеул. Я что-то никак не могу сосредоточиться на уроках. Читаю, потом начинаю писать и очень быстро от всего этого устаю. Завтра суббота. Вот можно будет отдохнуть получше. Я сплю очень мало и у меня желудок очень редко в хорошем состоянии. Везде и повсюду говорят только о войне. И я думаю, что она неизбежна. Так и в прошлом – все кричали мир, а война состоялась. А она опять будет. Коммунистам что – концлагеря и расстрелы. Да помрете вы все, яко перебили вы все и вся так, как не били и со сотворения мира сего.

09.10.1950. Погода стоит уже две недели хорошая, но сухая. Ночью к 12-му часу очень холодно – сухой мороз. Нечего есть. На рынке только яблоки. У нас на зиму ничего нет, и я не знаю, как мы ее переживем. Все люди начали топить, а у нас нет угля на зиму. Американцы наступают в Корее. Китайцы готовятся к войне, и, если они ее начнут, то это будет мировая война. Война для победы капитализма или социализма. Я пишу редко, потому что, живя в одной комнате, не бываю одним. А не хотел бы знать, что мама знает, что я пишу дневник. Мама все надеется, что мы уедем, но я думаю, если это не будет до конца месяца, то мы никогда прежде войны не уедем. Хожу на тренировки хоккея, но думаю их приостановить, так как я записался в школу плавания.

В субботу вечером, это был 5-й час, т.е. последний урок в классе, горели лампы. А на дворе была тьма. У нас шел урок зоологии. Кто-то около меня бузил. Их заметила учительница и хотела записать их имена в дневник, но вдруг остановили электричество, и весь класс заревел. Так мы и ушли.

08.11.1950. Опять лежу больной. И, как всегда, – ангиной. Я думаю, что причиной моей хронической ангины являются уши. Мы еще не были у специалиста. Но думали, что, как только я выздоровлю, непременно пойду. Я провел ночь 7 ноября в Русском клубе. Там, как всегда, на больших праздниках, была драка. И она началась с часу до пяти, с маленькими интервальчиками. И дрались, как всегда, приезжие советские и наши, русские эмигранты. Но эти драки особенные. Милиция тут не властна. Потому что дерутся сыновья членов правительства и советские граждане. А в клуб полиция вообще не допускается. Но это была самая настоящая гангстерская драка. С пистолетами, с ножами и чем попало. Трупы отвозили на машинах „ЗИЛ“ и „Победах“. Я побоялся выстрела и даже спрятался в коридорчике. И просто удивляюсь, как никого не ранили пулей.

Попытки на уезд все рушатся одна за другой. Сейчас новый проект. Дядя Коля Вырубов (братья матери) хлопочет о французском гражданстве для меня и постараётся вписать меня в паспорт. Если это удастся, я, может быть, уеду с этим паспортом. Но дело в том, что я уеду один, а в Париже меня, по-моему, не очень любят, да и всех Лобановых.

Н.В. Вырубов (дядя Коля),
Флёри, 1947

Китай объявил войну Америке, и все ждут развития событий. Все уже ясно видят, что вопрос общей войны – это только вопрос времени.

Леня еще никак не может получить работу. А все из-за того, что он находится под сильным влиянием матери, которая его изнянчила. Он не получил никакого физического воспитания. Он неподвижный. Не владеет никаким спортом. Он не получил никакого «уличного» образования...

Он не умеет жить. Он, может, и хороший товарищ, но никогда не разделит чего-нибудь с тобой. Я просто удивляюсь, как он сможет жениться и какая будет его жена. Я считаю, чтобы стать человеком, надо быть:

1. Образованным духовно.
2. Образованным физически.
3. Образованным на улице.
4. Быть воспитанным.

Мне очень тяжело без папы. Это был человек – золото. Я это говорю не потому, что он мой отец. Я это слышал и от всех людей, которые его знали. Каждый день мне приходится обращаться к нему. Мама – слабый человек. Она на меня не может повлиять, и потому, может быть, я и вырасту хулиганом. Мне очень лень учиться. Но раньше знания дополнялись у меня в разговорах с отцом. Я не знаю, куда его отвезли эти сволочи. Но я думаю, что я его никогда не увижу.

В жизни, по-моему, самое драгоценное:

1. Быть здоровым.
2. Быть культурным.
3. Иметь хороших и культурных родителей.
4. Иметь друзей.

Мне очень хочется путешествовать. Я бывал на самой высокой части Балканского полуострова. Бывал на озерах, бывал и на море. Но вот я не был на большой реке и не летал на самолете. Я не смог это сделать в этом году, но думаю сделать это непременно на будущий год. Хочу побывать в Африке, Америке, на полюсе, в Индии. И плюю я на всякую учебу. Я хочу путешествовать, но нет возможностей. Счастливцы – люди из свободных стран. Но там есть, может быть, и другая трудность – деньги. Пока я ее не испытывал, но, может быть, и придет этот день.

22.03.1951. София. В Болгарии политика точь-в-точь повторяется, как в Союзе. Сегодня в газете напечатано постановление Центрального комитета компартии о наказании одного человека в селе К., потому что он требовал свои права, и действовал очень „резко“, арестован и т.д. Но Господь простит.

16.05.1951. Через одиннадцать дней мы кончаем гимназию, и все-таки я ничего не учу. Как я окончу – не знаю. Уже неделя, как кончились городские плавательные состязания. Это первые состязания, в которых я взял первое место на 100 и 200 метров брассом. Я получил две золотых медали и летом нас отправят в Варну. Мы остались совсем без денег, и мне приходится продавать свои камни. Сегодня продал свой самый большой кварцевый кристалл (42–35 мм) за 1500 левов. На эти деньги надо будет жить до конца недели. Свои анекдоты я послал в редакцию газеты в Париж. Увидим, примут ли их. Сейчас я доканчиваю чтение 4-го тома У. Черчилля. Интереснейшая книга. Не знаю, что буду делать, когда уедет Лопп, ибо он мне поставляет интереснейшие книги. Вчера был последний день арестов с первого мая. Их довольно много. Все боятся войны.

15.08.1951. Вернулся из Варны. Было довольно тяжело, так как тренировки были по-настоящему серьезны, и, в среднем, мы плавали по 4000 метров в день. Но в общем, Варна есть Варна, и я провел там время неплохо.

Вечером в лагере были всегда танцы, а иногда мы выходили в гостиницу „Балкантурист“. Как всегда, много иностранцев. На пляже я познакомился с французами, из газеты „Юманите“. Один из них из Марселя. Он знаком с Жани. На республиканских состязаниях я плавал плохо и вышел вторым на 100 и 200 метров, мог бы быть первый, но меня пустили в слабой серии <...>

Читаю дневник графа Чано. Очень жалею, что не прочел раньше. Уже два дня не был на пляже. Граф Николай Игнатьев в Плевне. Не с кем поговорить. У него и газеты интересные находились.

04.09.1951. Сегодня мой первый день из многих, когда я остался дома. Это такое редкое явление. Каждый вечер – то опера, то концерт, театр, встреча; то, се – и проходит неделя за неделей, а мы все в Болгарии торчим. Третьего дня получил посылку из Парижа и в ответ послал материалы. Посмотрим, какой эффект на них это произведет. Положительный или же отрицательный, как я предполагаю. Читаю русскую литературу, так как мы ее на этот год изучаем в школе. Но не забываю читать и по-французски. Очень жалею, что не могу свободно читать по-английски. Язык – самое большое богатство для человека. Прочитал записи прошлого года. Мне кажется, что ничего в моей жизни не изменилось. Я, как всегда, сплю мало, всегда занят и не учусь. Живу так поверхностно. Теряю время. А жалко, очень жаль, потом будет поздно. Надо читать, пока есть время, а то, наверное, через год я и пытаться не смогу от неимения времени.

Леонид Александрович
Ратиев, София

Кн. Александр Ратиев,
София, 25.7.1941

22.09.1951. Вчера, выйдя в 7 часов утра, я вернулся в семь часов вечера. Пообедал в городе и пошел на боксовые состязания. Вечером вернулся домой и, поужинав плотно, проспал до 12 часов.

Начал ходить на кружок по минералогии к Ивану Паякову. У него дома неплохо. Тепло, много места и камней. По вторникам и пятницам хожу на тренировки по хоккею. Стал реже встречаться с Леной. Мне кажется, что он идет к полному идиотизму. Все это происходит оттого, что он не занимался и не занимается спортом, а сидел дома и зубрил. Сейчас он от этого и в университет не может попасть. Видя эти же признаки у Христо Пулиева, я его уговорил заниматься спортом также, как я раньше уговаривал Леню. Надеюсь, он меня послушается.

Воскресенье, 6 января 1952 года. Да, сегодня был день моего рождения. Семнадцать лет. Как быстро летят годы, и как, в общем, ничего не успевает человек сделать за это время. Утром, чтобы не мешать дома, пошел на каток. На обед у нас были Леня Ратиев, Валя Иванюк, Христо Пулиев, Платон Чумаченко и баста. Так и так, все тарелочки еле уместились на столе. Мне не весьма удобно писать, так как я пишу утиным пером, но все-таки приятно. На ужин я еду к Ратиевым. Зайду по пути в церковь, но только

чтобы послушать, как поют. Я уже начал даже в самого черта не верить. Завтра буду писать самокритику для Русского клуба. Нечего делать. Надо же где-нибудь проводить праздники. Во вторник, думаю, идти или на концерт, или на „Риголетто“.

Последнее время много читал, да и сейчас не отстало. Читаю для школы и для себя. А сейчас, как записался на курсы в „Французский союз“, читаю и французскую литературу. Конечно, прогрессистскую. Стараюсь последнее время пойти на все оперы, которые я не видел. Давно не был в театре. Скоро будут давать „Дачники“, так тогда уж пойду. Сейчас пока отдыхаю морально, так как в школу не хожу. Начинаем ее 14 января. Так надоело, что больше уж некуда. Очень странно, что за климат последнее время в Болгарии. Два года уже как нет льда, и играть в хоккей почти невозможно. Лень встать и начать одеваться; на дворе темно, холодно – куда мне тащиться в город. Надоело. Обломовщина.

09.01.1952. Праздники прошли неплохо. Но жаль, что прошли. Не прочь еще раз бы отпраздновать. Сегодня в первый раз накатался хорошо на катке. Но к обеду лед начал ломаться, и в 11 часов нас погнали. Вечером должен был идти на „Риголетто“, но в Русском клубе мне сказали, что я должен присутствовать на „узком составе“. Завтра думаю встать пораньше, чтобы пойти на каток в 8 ч.

...С ужасом думаю, что через пять дней мне надо будет идти в школу. Сегодня за обедом выпил бутылку сока, виноградного. Его уже делают второй год. Я к нему прибавляю чуточку апельсинового и получается чудная штука. Но это вредно дуть так много воды. Я перестал утром пить больше двух чашек чая... У Лени сегодня два билета на концерт. Я не могу пойти и посоветую ему продать билет девушке получше. Авось, выйдет что-нибудь. Сейчас я думаю подцепить субъекта на катке. Леня мне читал письмо от Мишки Городецкого. Чудно написано. Он раньше в церкви прислуживал и в письме церковные словечки здорово вставляет. Вчера уехали Горбатовы в Бельгию, а мы все здесь сидим и не знаем, что нам делать. Лишь бы все кончилось поскорее. У соседей все рев, вой, крики – животные.

29.01.1952. Отказался от хоккея, как от спорта. Буду ходить на каток, только чтобы покататься на коньках.

16.04.1952. С понедельника продолжаются состязания по плаванию. Яучаствую в них каждый день. В понедельник я плавал 100 метров брассом, и, думая, что я стану мастером спорта, я дал 1 мин. 21 сек. А в прошлый четверг на ученических (состязаниях) я дал 1 мин. 9,7 сек. <...>

29.04.1952. Послезавтра первое мая. В этот день я уезжаю в экскурсию. В первый раз поеду на Дунай. Продолжаю плавать и пить соки. В этом году есть почему-то большое изобилие соков, и стоят они недорого. Погода стоит очень хорошая, и жаль, что нет дождя, хотя лучше – по вечерам не приходится искать квартиру, так как сады обеспечивают

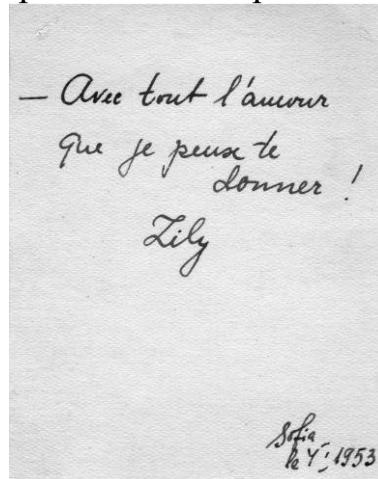
необходимое уединение.

13.09.1952. Давно я не писал, а сейчас так много мог бы написать про себя. Самое главное – это, что я встретил в поезде, едя в Варну, одну девушку, Лили, в которую влюбился. То, что для меня случай весьма редкий. Нынче я жду ее с большим нетерпением. Она должна приехать четырнадцатого.

14.09.1952. Вчера я слег в постель. У меня песок в почках. Это так неприятно, потому что сегодня приезжает Лили Асенова из Варны. Я побрился вчера в первый раз. Очень неприятное ощущение.

Лили Атанасова,
урождения Асенова,
София, 1953

На обороте карточки на французском: Со всей любовью, которую могу тебе дать! Лили София, 4.01.1953

Граф Николай Игнатьев и Константин Пулиев (отец Христо) у нас в саду, София, 1950

15.09.1952. Вчера вечером, в конце концов, мы вместе были с Лили
<...>

25.11.1952. Все в порядке с Лили. Еще не поссорились. Вчера вечером были вместе.

30.01.1953. В среду маме сделали операцию левой груди от рака. Она очень хорошо выглядит. Как я жалею, что она не послушалась меня.

Совсем испортил свое мнение о Николае Игнатьеве. Правильно, что дедушка писал из Парижа, что он не почтенный человек. Я с ним имел кое-какие дела, и он меня очень разочаровал. Думаю, что никогда не нужно делать людям услуги, которые они сами могли бы себе сделать. Например, я взял у Данчо Иванова часы на продажу, 5–6 пар. Две из них часовщик продал, но по очень низкой цене. Данчо ругается. Но он один и за столько бы их не продал. В школу хожу только после обеда. Думаю начать делать почаше фотографии. От них не такая уж большая прибыль, но хоть регулярная. Христо Пулиев в последнее время начал продавать маленькие бутылки.

07.03.1953. Третьего дня объявили о смерти Сталина. Народ весьма веселый, хотя собрания и проводятся каждый день. Хожу на уроки по

математике. Они очень дорогие. Но иначе я просто не вижу, как я выдержу. А выдержать нужно непременно. Лишь бы быстрее кончить, да идти на работу. Просто становится неловко не зарабатывать. Мама все болеет. Ей нужно было бы давно уехать из этой чертовой страны».

Вот как Левчев отметил это в своей книге: «В день, когда умер Сталин, в нашем доме появился Никита. Он взглянул на радио и сказал: „Наверное хорошо принимает. Давай попробуем поймать Лондон“». Так тогда называли Би-Би-Си. Эту радиостанцию я не слыхал с тех далеких времен, когда мой отец вскрывал восковые печати и следил за событиями в Москве и Лондоне. Помню неприятные интонации в голосе диктора Мацанкиева. С тех пор мне никогда не приходило в голову слушать иностранные радиостанции. Князь ловко нашел очередные новости. Сообщали следующее: третья дня умер великий сын русского народа, гений всего человечества... Сергей Прокофьев».

«08.03.1953. Сегодня утром мама меня разбудила и сказала, что больна гриппом. А она ведь еще не поправилась от операции. Мне стало очень тяжело. Денег нет, да и надежды на их доставание нет никаких. Просто не знаю, что делать. Мама только вчера кончила облучение на рентгене, а нынче снова в постель. Да и у меня тоже здоровье не в порядке. То почки, то желудок, то легкие. Вообще организм истощенный. Не знаю, как выдержу до конца школы. Про университет перестал и думать. Придется работать где-нибудь, но дадут ли мне работу? Просто теряюсь. Сейчас прочитал конспект на экзамены. Балдею. Сколько лет я не учился, а нынче вдруг целый конспект. Просто нужно будет идти на удачу. Посылок больше получать нельзя, так как на таможне за них берут ту же цену, которую этот предмет стоит в стране. Начал реже видеть Лили. <...> Не знаю, сколько мы с ней так выдержим. У меня да и у нее денег нет.

Данчо Иванов, 1953,
впоследствии тенор
Софийской оперы

23.07.1953. Итак, в восемнадцатилетнем возрасте я окончил гимназию, и стало мне все-таки гораздо легче. Нет постоянно этой мысли, как бы не увидел меня учитель или какой-нибудь неблагожелательный соученик. Но будущее как-то в дыре. Снова ждем ответа на выезд, и снова, наверное, он будет отрицательным. Я подал прошение о разрешении поехать в Варну, и вот уже три недели, как меня успешно мотают. Говорят прийти на днях, но не дают никакого ответа. Жаль будет, если они мне не разрешат поехать в Варну. Данчо Иванов едет вместе с Лили в субботу. По моим планам я должен уехать 5 августа. Четырнадцатого июля я был во французской легации и провел там время очень

забавно. Я попал туда с графом Николаем Игнатьевым и думал с ним же и уйти, как было отмечено в приглашениях, т.е. часам к 8-ми. Но, в конце концов, я ушел предпоследним, в 11 часов вечера, что мне было крайне неприятно, а Игнатьев же еще сидел с Руменой и продолжал пить. Что за чертовщина!

Никита и Лили Атанасова в парке, София, 1953.

этот месяц у меня украли номер, и я страшно жалею.

Доцент Иван Костов в белом и Свет Петрусенка справа, 23.9.1956

На перемене ко мне подошел случайно новый египетский министр и долго со мной разговаривал. Он мне объяснял про ихнюю революцию и обнадеживал меня, говоря мне, что все мои переживания в Болгарии будут мне в пользу. Жду прихода Данчо Иванова. Он после тюремы еще не может прийти в себя. Жалко парня.

Я бросил плавание и очень жалею, что это сделал. Сейчас после 400–600 метров плавания уже боль в руках и ногах. А подумать, что раньше я только ногами плавал по 400–600 метров, да и руками метров по 400.

На днях был у доцента Ивана Костова. Он мне говорил очень интересные вещи об английских университетах. В результате, я решил, что если смогу, то буду учиться геологии в Англии. Я подписывался на журналы „Science et vie“, да вот в

Начинаю понемногу читать литературу.

Последнее время увлекся биографиями великих людей – Кемаль Ататюрк, Шиллер, Марат.

08.08.1953. В конце концов, наша долгая и заветная мечта сбылась. Две недели тому назад нам дали разрешение на отъезд. Сколько лет мы ждали этого дня! Но пока я в этом еще не уверен. Вот когда перепрыгнем границу, то можно будет сказать – да, мы уехали. А то до этого еще могут и посадить. Сейчас я весь день бегаю и занимаюсь документами и вещами, связанными с отъездом. Мы думаем тронуться 29 августа, т.е. через 20 дней. Этот срок на первый взгляд большой, но дни молниеносно несутся. Дневник я думаю отправить дипломатическим курьером.

Сегодня на поле нашел подпольную листовку»⁹.

Поезд тихо отходил от перрона софийского вокзала. Никита прощался с горьким детством, гибелью отца, болезнями, безнадежностью, безденежьем, нищетой. Он отбывал в страну розовых надежд, в новую жизнь, которая улыбалась всеми красками чудесной радуги,

В книге «Ты следующий», (София, 1998), Л. Левчев пишет:

«Никита исчезал, как Маленький принц с потоком астероидов. На софийском перроне несколько белогвардейцев, плача, прощально махали руками. „Не забывайте! Не забывайте!“ Локомотив выпустил пар, как джинна, играющего с людскими судьбами. В этот миг, мы с моим соучеником-Князем, начали жить в разных мирах, ненавидящих друг друга. Судьба складывалась таким образом, чтобы сделать нас обоих в каком-то смысле избранными, но каждого своей системой. И должна ли была эта ненависть отравить нашу юношескую дружбу, как и все остальное?

Нет, этого не случилось. Жизнь, похоже, изыскивала всяческие возможности для того, чтобы мы могли забыть, охладеть друг к другу или поссориться. Я был главным редактором газеты в Болгарии, Никита был директором банка в США. Но достаточно было нам встретиться (а мы встречались), как мы вновь становились самими собою – детьми, скажем лучше – юношами, готовыми ликовать друг с другом да так, как будто мы нашли новый кристалл. Мы не спрашивали друг друга, кто строит будущее, а кто остался в жалком прошлом. И это краткое мгновение повторялось, как будто судьба Вселенной зависела от прекрасного сна нашей дружбы».

В письме Никите (1998) он пишет: «Уходит век. Он был нашим! Уходит Тысячелетие. Что все это было? Ренессанс? Просвещение? Иллюзии?».

ЮНОСТЬ. УНИВЕРСИТЕТЫ

На Парижском вокзале Лобановых встречали Вырубовы – дед, тетя Кира, дядя Коля. Объятия, слезы, расспросы. Когда первые волнения улеглись, они уехали на квартиру к деду. Свобода пьянила. Никита целыми днями бродил по Парижу, слушал французскую речь, ходил в великие и маленькие музеи, которых было более 700, посещал библиотеки просмотреть журналы. Угнетало одно – на все надо было просить денег у деда. Он никогда не отказывал, но давал в обрез, сколько просили.

Болгария отодвинулась в нереальность. Но Никита не забывал школьных друзей. Слишком многое их связывало. Через две недели он

⁹ Лобанов-Ростовский Н.Д. Отрывки из дневника на протяжении пяти лет // Архив Н.Д. Лобанова-Ростовского. Лондон.

отправил в Софию письмо, где в юмористическом тоне описал первые французские впечатления. Этим друзьям он остался верен всю жизнь. Когда они стали взрослыми, занимали важное место в коммунистической номенклатуре, а он стал вице-президентом американского банка, – у них никогда не было страха перед встречами: они опять становились юношами, которые, казалось, вчера обносили сады мирных обывателей. На болгарских друзей Никите повезло – и поныне они верны своей дружбе.

Н. Лобанов дарит Симеону Сакскобурготскому (премьер-министру Болгарии, бывшему царю Симеону II) цветную обложку «Ле Пти Журналь» (1896) с изображением его деда князя Фердинанда Болгарского во время официального визита в Елисейский дворец в Париже. София. 26 мая 2005

ложится на Болгарию.

Н.И. Лобанов-Ростовский, София, 1923

зарубежное искусство, и поэтому французская живопись привлекла внимание образованного молодого солдата.

Он им платил тем же. Ныне, с возвращением царя Симеона, в роли премьер-министра, Болгария вырвалась из пут коммунизма, и есть большая уверенность, что ее ждет хорошая будущность, во всяком случае – нормальная. Болгария, как и ее «старший брат» – Россия, перенесла много горя при коммунистической власти, и теперь, по мнению Никиты Дмитриевича, она должна войти в мировое сообщество. Его симпатия на стороне будущей демократической Болгарии. Ведь она его вторая мать. Он понимает, что горе, принесенное его семье убийством отца, не

Кстати, о болгарском горе. Кроме убийства отца, НКВД посадило дядю Никиты, брата отца Николая Ивановича. Он сидел в концлагере «Белене» с 1948 по 1954 год. Об обстоятельствах жизни и ареста Николая Ивановича в 1997 г. написал Никите Дмитриевичу профессор из Украины Юрий Александрович Белый (г. Николаев). Юрий Александрович описывает, что, будучи солдатом Красной Армии, летом 1946 г. служил в оккупационных войсках в Болгарии, в Софии. Случайно зашел на выставку репродукций современного французского искусства. Надо сказать, что в то время в Софии не было художественных музеев или картинных галерей, в которых бы экспонировалось

Там он и познакомился с Николаем Ивановичем, работавшим тогда во Французском институте, призванном развивать французско-болгарские культурные связи. У картин импрессионистов состоялся обмен мнениями, и солдат спросил:

– Как Ваша фамилия?

– Лобанов.

– А среди Ваших родственников не было ли министра иностранных дел в конце прошлого века?

– Да, это был мой дядя¹⁰.

Они подружились. Солдат часто навещал Николая Ивановича. Юрий Александрович вспоминает, что семьи у Николая Ивановича не было. Он закончил Царскосельский лицей, в 1912 г. попал на дипломатическую работу в Албанию, при Временном правительстве вернулся в Петроград. В 1919 г. бежал в Болгарию. Отец и мать Николая Ивановича умерли в Софии. «Был еще брат Дмитрий с женой и сыном (речь идет о Никите Дмитриевиче. – А.Б.). Их я никогда не видел, мне помнится, Николай Иванович говорил, что брат занимался предпринимательской деятельностью.

Н.И. Лобанов-Ростовский, зарисовка заключенного в концлагере на о. Белене, Дунай, Болгария, февраль, 1952

Вскоре Николай Иванович сообщил мне о большом несчастье, постигшем эту семью: при попытке перейти болгаро-греческую границу, не восприняв новых болгарских порядков, – вся семья была, как говорил тогда Николай Иванович, схвачена греческими партизанами-коммунистами, передана болгарам и оказалась в болгарской тюрьме. Видимо, в этом сообщении не все было точно <...> Помню, что Николай Иванович предпринимал отчаянные попытки освободить хотя бы мальчика-племянника, обращался сам и через знакомых в самые высокие инстанции, чуть ли не к самому генеральному секретарю Димитрову; насколько это, в конечном счете, помогло, не знаю, но, помнится, Николай Иванович говорил, что мальчика-таки в конце концов отпустили, о судьбе его матери и отца я узнал только через 44 года.

Николай Иванович был широко образован, хорошо владел основными западными языками, имел, видимо, широкие знакомства с дипломатами из многих стран. У них он добывал большую тогда редкость – настоящий кофе. <...> И вот часто, прия к Николаю Ивановичу, я переоблачался в

¹⁰ Белый Ю.А. Воспоминания о князе Николае Ивановиче Лобанове-Ростовском. С. 3. Машинопись // Архив Н.Д. Лобанова-Ростовского. Лондон.

гражданскую одежду (по тем временам для советского солдата вообще контакты с местным населением были строго запрещены), и мы отправлялись под Витошу, кажется в село Драгалевцы, и добывали у его знакомых молоко»¹⁵.

Солдат Ю.А. Белый за связь с эмигрантом был в 1947 г. арестован СМЕРШем. Только чудо спасло его от тюрьмы. В 1948 г. он демобилизовался, затем окончил институт, защитил диссертацию, стал профессором, заведующим кафедрой. В 1990 г. в Болгарии, на конгрессе математиков, его познакомили с князем Мещерским, русским эмигрантом, и тот поведал ему, что Николай Иванович был посажен в самый страшный концлагерь на дунайском острове Белене. Мещерский рассказывал Ю.А. Белому: «Подходит в лагере к Николаю Ивановичу милиционер – тот в рваном ватнике что-то хлебает из консервной банки.

– Это правда, что ты бывший князь?

– Не только бывший, но и настоящий, им и умру.

<...> В очень тяжелом состоянии Николая Ивановича, в конце концов, освободили. Он страшно бедствовал и члены русской колонии не раз помогали ему деньгами¹¹. С помощью племянника Никиты Дмитриевича Николай Иванович уехал из Болгарии. Он умер на руках Никиты Дмитриевича 9 февраля 1969 г.

В 1994 г. в Софии на болгарском языке вышла книга Стефана Бочева «Белене, сказание о болгарском концлагере» (издательство «Наука и культура»). В ней автор посвятил Николаю Ивановичу несколько страниц.

«Русские в лагере были люди средней руки, скорее из исполнителей, нежели из верхних кадров бывшей царской России. Аристократы, капиталисты, крупные рыбы, те добрались до Запада (Франция, Англия, Америка). Единственным исключением, но высочайшего класса, был князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский. Только Бог знает, почему и как, но вместо того, чтобы искать убежища на Западе, он приютился тут, в Болгарии. А ныне попал на остров Белене.

Этот человек, впрочем, не поддерживал никаких отношений с иными русскими в лагере. Но, с целью быть совершенно точным, добавлю, что он вообще ни с кем не поддерживал никаких отношений. Днем его видели только в той немой „тройке истуканов“, т.е. генерал Иван Волков (бывший военный министр, с 1923 по 1925), Устабашев (глава христианской партии „Ангельская труба“) и сам Лобанов – то идущих на работу, то возвращающихся с работы. Всегда так вместе, всегда еле-еле державшихся на ногах, все также молчаливых, как будто вообще не умеют разговаривать. Вечером я видел его сидящим по-турецки на койке. Сидит, молчит, его монгольский, без губ, рот под азиатскими глазами на

¹¹ Там же. С. 5.

скулистом лице, тянет сигарету за сигаретой. Но, не спеша, а как будто время остановилось.

Лобанов в лагере получал посылки от жены брата (Дмитрия Ивановича). Он тут же продавал их содержание и на вырученные деньги покупал сигареты. Да, именно тот потомок русского княжеского рода Рюриковичей, царившего до Романовых <...>

Встретились мы снова с Лобановым уже на свободе. Он, все тот же самый безошибочный русско-монгольский аристократ. Бродил он по Софии одетым в „дафл-коут“ из верблюжьей шерсти с капюшоном (пальто было послано ему племянником, студентом в Оксфордском университете). Закутанный в это „верблюжье“, он обращал на себя внимание прохожих. В 1956–1957 годах мало кто ходил по городу одетым таким образом».

Год 1953 был потерян из-за позднего приезда Никиты в Париж и необходимости подготовки к вступительным экзаменам. Весь 1954 год прошел в предэкзаменационных хлопотах. Экзамены сдал Никита хорошо. Угнетало лишь одно – на учебу не было средств. Была лишь маленькая надежда, что университет оплатит некий анонимный благотворитель, но твердо на него рассчитывать не приходилось: меценат платил лишь за одного студента, а претендентов было несчетное количество.

Колледж Крайст-Чёрч, Оксфордский университет

участь Никиты¹².

Сдавая вступительные экзамены, Никита жил в Оксфорде у своей крестной матери Екатерины Ридлей, урожденной Бенкендорф, внучки последнего царского посла в Великобритании. Внучка эта по необъяснимым причинам прониклась восхищением перед Сталиным и построенным им государством «всеобщего счастья». Она ездила в Москву

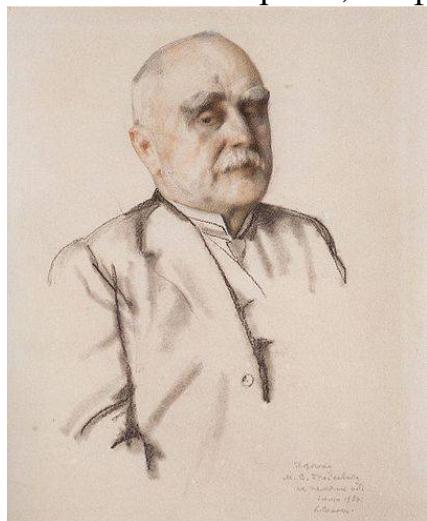
Сэр Исаия Берлин, преподававший в университете, впоследствии рассказал Никите, что он был членом жюри, которое выбирало из 25 претендентов на стипендию одного. Ее решили дать Н.Д. Лобанову ввиду того, что он выбрал геологический факультет, а остальные – гуманитарные. Жюри решило, что геолог всегда найдет работу по специальности, а историки, филологи, искусствоведы – вряд ли, и поэтому им придется платить пособие по безработице. Так, в силу экономии королевской казны, была решена

¹² Лобанов-Ростовский Н.Д. Оксфорд, Исаия Берлин и я (мемуарная записка) // Русские евреи в Великобритании. Т. II (VII). Иерусалим, 2000. С. не нумерованы.

до середины 1930-х годов, пока Максим Литвинов, советский представитель в Лиге Наций, не усадил ее на поезд и не вывез в Европу. Он, очевидно, опасался, чтобы ее не постигла участь князя Святополк-Мирского, знаменитого историка литературы, также поверившего Советам, принял советское гражданство, переехавшего в Москву и погибшего в ГУЛАГе.

Оксфорд очаровал Никиту. Это студенческая республика, существовавшая с XII в., была конгломератом многих колледжей, управлявшихся единой администрацией. Кстати, Никита за четыре года так и не узнал, где находится эта администрация.

Оксфорд привлекал Никиту своими культурными сокровищами. Посещение музеев стало важной еженедельной обязанностью молодого человека. Во-первых, он фундаментально изучил музей Ашмола, в

М.В. Брайкевич. Рисунок К. Сомова, 1934.

это была вторая коллекция. Первую он собрал в России в 1910-е годы и перед отъездом за границу подарил Новороссийскому университету, ставшему после революции музеем западного и восточного искусства города Одессы; в ней также преобладали художники «Мира искусства». Собрание М.В. Брайкевича сейчас выставлено в Ашмоле, но против воли дарителя, в небольших количествах (семь–девять картин), в то время как Михаил Васильевич договаривался (и ему было обещано!), чтобы вся коллекция была экспонирована.

Во-вторых, он стал завсегдатаем знаменитой библиотеки колледжа Крайст-Чёрч, в котором Никите посчастливилось учиться. В ее отделе искусств преобладали в основном рисунки итальянских мастеров эпохи Возрождения. Чтобы читатель прочувствовал необычность этой коллекции, назовем несколько рисунков, давно вошедших в анналы истории искусств: «Четверо рыцарей на приставной лестнице» неизвестного веронского мастера 1–й четверти XV в., «Портрет молодого человека» Содомы, «Встреча Иакова с Рахилью» Гуго ван дер Гуса,

котором, наряду со старым западноевропейским искусством, были прекрасно представлены такие мастера «Мира искусства», как А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, К.А. Коровин, К.А. Сомов, М.В. Добужинский, О.Э. Браз и др. Коллекцию эту собирали в период 1920–1930-х годов и подарил музею замечательный любитель искусства инженер Михаил Васильевич Брайкевич (1874–1940), после революции служивший товарищем министра торговли и промышленности Временного правительства, эмигрировавший в Англию и живший в Оксфорде. Его собрание насчитывало более 100 полотен. К слову сказать, у М.В. Брайкевича

это было вторая коллекция. Первую он собрал в России в 1910-е годы и перед отъездом за границу подарил Новороссийскому университету, ставшему после революции музеем западного и восточного искусства города Одессы; в ней также преобладали художники «Мира искусства». Собрание М.В. Брайкевича сейчас выставлено в Ашмоле, но против воли дарителя, в небольших количествах (семь–девять картин), в то время как Михаил Васильевич договаривался (и ему было обещано!), чтобы вся коллекция была экспонирована.

Во-вторых, он стал завсегдатаем знаменитой библиотеки колледжа Крайст-Чёрч, в котором Никите посчастливилось учиться. В ее отделе искусств преобладали в основном рисунки итальянских мастеров эпохи Возрождения. Чтобы читатель прочувствовал необычность этой коллекции, назовем несколько рисунков, давно вошедших в анналы истории искусств: «Четверо рыцарей на приставной лестнице» неизвестного веронского мастера 1–й четверти XV в., «Портрет молодого человека» Содомы, «Встреча Иакова с Рахилью» Гуго ван дер Гуса,

«Портрет молодого человека» Витторе Карпаччо, «Портрет Екатерины Медичи» Доменико Фетти, «Обнаженная мужская фигура» Якопо Тинторетто, «Снятие с креста» Якопо Понтормо, «Въезд Льва X во Флоренцию» Джордже Вазари, «Аллегорическая композиция» Аньоло Бронзино, «Летящий путто» Доменико Цампиери, «Этюд рыцаря» Гвидо Каньяччи и мн.др.

Л. Бакст. Восточный принц с пажем.

В-третьих, он основательно познакомился с художественными собраниями многих лондонских государственных и частных коллекций. Это, в первую очередь, Британский музей, Лондонская национальная галерея, Музей Виктории и Альберта, галерея института Курто, коллекция Уолес и Кенвуд-хауса, галерея Тейт, в которой хранится 15 000 произведений великого английского художника Уильяма Тёрнера. Самое потрясающее впечатление своими художественными ценностями оставляли многочисленные собрания Ее Величества Королевы, славящиеся портретами Рубенса и Ван Дейка. Ее Величество Елизавета II постоянно издает шедевры своих картинных галерей и королевских библиотек и таким

образом вводит их в научный оборот. Никите, ввиду его знакомства с членами королевской семьи, был открыт доступ в королевские собрания в замке Виндзор, вблизи Лондона.

Никита был окрылен приемом в университет. Его с первых шагов затянула студенческая жизнь. Порядки в Оксфорде были самые гуманные, может даже чересчур либеральные. С тех времен, когда там учился князь Феликс Юсупов в 1912–1916 гг., все осталось по-прежнему. «Студенты, жившие в колледже, обязаны были возвращаться не позже полуночи. Следили за этим строго. Кто нарушал правило трижды за семестр, бывал исключен. <...> В спальне – никакого обогрева и стужа, почти как на улице. Вода в тазике для умывания замерзала, по утрам казалось, что бреду я в ледяном болоте», – вспоминал Юсупов¹³.

Никита ездит в Оксфорд на сбор однокурсников. Теперь, в 2002 г., все было по-другому. Об обязательном возвращении из города до полуночи не могло быть и речи. В общежитии тепло. В гости можно ходить по всему помещению или приглашать к себе. Часто такие посиделки затягиваются на всю ночь. Что особенно нравилось Никите, – ныне в том же общежитии

¹³ Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М., 2001. С. 11.

живут девушки, а в 1950-х годах их можно было пригласить только на два часа на чашку чая. С сахаром и мясом было плохо – в Англии даже девять лет спустя после Второй мировой войны сохранялась карточная система, в свободной продаже их не было. Сахар – только на столах немногих ресторанов.

В Оксфорде практиковалась система наставничества. Наставник – это преподаватель, прикрепленный к студенту на все время его обучения. Только с ним можно было решать все проблемы: учебные, бытовые, человеческие.

Общение заходило так далеко, что наставник угощал во время разговоров студента рюмкой портвейна. С ним часто оставались другом на всю оставшуюся жизнь. И у Никиты был такой «отец – наставник», которого он вспоминает с благодарностью. Это профессор органической химии доктор Пол Кент, который специально купил советский учебник органической химии для того, чтобы лучше ориентироваться в каком изложении ее преподают в СССР, и, таким образом, представить сюжет Никите.¹⁴

Пол Кент (1923–2017), преподаватель биохимии, Крайст-Чёрч, Оксфорд, 1954.

Любимыми предметами Никиты в университете были: минералогия, петрография (наука о горных породах) и историческая геология. Науку о минералах он знал еще в геологическом кружке, но тот объем был не сравним с курсом, даваемом в Оксфорде. Здесь они изучали 800 минералов, причем не делалось границы между благородным алмазом и неприметным каолином.

Петрография влекла к себе бесконечными комбинациями минералов, из которых состоят камни, символы покоя. Натурные коллекции кафедры петрографии были очень богаты и разнообразны, в них содержалось все: от редких алмазонитовых гранитов до красивейших яшм с диковинными геометрическими узорами.

Историческая геология преподавалась, как захватывающий детективный роман. Перед студентами вставали образы древней доисторической жизни с диковинным животным и растительным миром, вселенские катастрофы и смена форм жизни, своего рода «Парк юрского периода», только в строгом научном изложении. По палеонтологии нужно было знать 600 окаменелостей.

Радостны были практические занятия по составлению и раскраске

¹⁴ В 2013 г., когда доктору Кенту было 90 лет, Никита выделил капитан на создания поста преподавателя биохимии на веки веков имени доктора Пола Кент.

геологических карт под руководством доктора Хависона, о чём имеются записи в «Дневнике». Такие карты выглядят как произведения художника-талиста, поражает их полнейшее сходство с картинами абстракционистов. Возможно, эти занятия тоже впоследствии подтолкнули Никиту к коллекционированию.

Трудными предметами были математика и кристаллография. Не то, чтобы к ним душа не лежала, это объяснялось свойствами его мировосприятия. Эти науки требовали абстрактного характера мышления, а у него был ярко выраженный эмоциональный. Много занимаясь, Никита успешно их одолел, но никогда не любил. Он даже на каникулы оставался в Оксфорде, чтобы подтянуть «хвосты» и ликвидировать недостатки болгарского обучения. В университете ему не раз вспоминалось напутствие сэра Исаи Берлина: соблазнов в твоей жизни будет много, не поддавайся им; если хочешь добиться успеха в жизни, надо много внимания уделять учебе, «грызть гранит науки», избегать вечеринок. Никита слушал мудрых людей. Единственно, что он себе разрешал – охотиться в угодьях Айлин Берлин, жены сэра Исаи. Диких голубей, куропаток и фазанов было столь много, что он приглашал друзей на эти охоты. В ответ они приглашали его в имения родителей на охоты.

Полистаем еще страницы дневника студенческих лет.

«4.04.1958. Чёрч Уолк. Оксфорд. Снова читал дневник. Странное и смешанное чувство. Жаль то потерянное время в безделье в Болгарии. Судя по тому, что я очень часто болел до того, как начал серьезно заниматься спортом, я пришел к заключению, что спорт имел для меня большое значение. Нынешней зимой я был болен – плеврит и воспаление легких. Это в первый раз с приезда из Болгарии, т.е. после четырех лет. Я вообще устал и хочется поскорее кончить учиться. Надеюсь в Нью-Йорке заняться снова плаванием.

5.04.1958. Оксфорд. Сегодня, как всегда, встал в 8 ч. и пошел вниз готовить завтрак, состоящий, как и все остальные дни, из яиц и бекона, рассыпчатого риса и винограда с ореховым кремом, чай. Вчера обедал у Леона Багратуни в Дедингтоне. У него замечательный дом – „Тюдор“, который ему купил Эдди Гринуэл. Конечно, его мама, леди Детердинг, оплатила счет: 10 000 фунтов. У него обеды часто очень интересные. Всегда разнообразные люди, и он старается их смешивать. За столом я сидел с Вильмой, женой Леона, и подтрунивал над гостями, за счет слабостей капитализма. К счастью, там был один отставной геолог из Шелл, с кем я в общем провел весь вечер. Он во мне зажег желание ехать в Аргентину и работать с маркизом Анре де Гане, сказав, что там очень интересная геология.

В 9 ч. я вышел. Снег сильнейший. Странно, под Пасху да снег! Пошел к портному Холси с целью пришить, как подкладку на пальто, ту леопардовую шкуру, которую мне прислала тетя Кира из Парижа. На

воротник и рукава я пришью каракулевые куски, которые мне тоже прислала тетя Кира. После этого я купил фотографической бумаги и поехал в лабораторию проявлять фотографии, которые Петр Зиновьев сделал для меня на острове Расей. Он пришел в 10:30, и мы обсуждали дальнейший план работы над моей геологической картой. Надеюсь, что к концу недели мы сможем поговорить с профессором Уеджер насчет публикации нашей статьи.

Тихий час в кабинете с эталонами пород,
Оксфорд, 1956

папироску, слушать Моцарта.

Алексис Белаш уехал в Бейрут, так что я один во всем доме.

Понедельник после протестантской Пасхи, 7.04.1958. Вчера проработал весь день вместе с Петром до часу ночи над моей геологической картой. Петр ее почти всю делает сам, что меня спасает в смысле времени.

Она будет чудного качества, по-моему, лучше, чем остальные в нашем классе. Сегодня снова работали весь день, но вечером пошли в кино смотреть „Большие надежды“ вместе с доктором Малколмом Броуном и его девицей.

Фильм произвел на меня большое впечатление. Диккенс, по-видимому, верит в то, что добро всегда платит за себя? Увидим в жизни, так ли это. После фильма ужинали в индусском ресторане. Чувствую усталость, 11:45. Хочется спать, наверное, не смогу скоро заснуть. Надеюсь, что завтра будет почта, и что мы сможем обсудить с Эдди Гринуэлл биржу. Может, будем снова спекулировать на этой неделе.

8.04.1958. Эдди мне предложил пари на пять фунтов, что я не посмею пойти в Кенсингтонский дворец в моей новой черной каракулевой папахе. Я, конечно, сразу же согласился и позвонил принцессе Александре Кентской с предложением зайти к ним во дворец. Но она, к сожалению, уехала в Германию.

Получил письмо от Бернарда Камю, который меня приглашает в Брюссель вместе с Петром, так что у нас будет возможность жить у него во время международной ярмарки.

Элизабет (княгиня Елизавета Павловна Карагеоргиевич. – Н.Л.-Р.)

Вечером я работал один, так как Петр уехал к своим в Гилфорд. Я сделал себе на ужин бифштекс в маленькой кухне наверху и постный бульон, который должен покипеть еще часок. К 9:30 я его сниму и, наверное, съем тарелку бульона перед тем, как лечь спать. Слушаю по радио «Il domineo». Так приятно сидеть вечером после дня работы и, покуривая

будет в Париже на будущей неделе. Увидим, как устроится ее совмещение с Татам (Волконской. – Н.Л.-Р.).

Н. Лобанов и Елизавета
Павловна Карагеоргиевич,
княгиня Югославская, Париж,
1957

риск очень большой»¹⁵.

Н. Лобанов – выпускник
Оксфорда, 1958.

хотелось познать экономику геологии. В СССР не было такой специальности – студент должен сам определить, где ему работать: в колхозе, строительстве или на транспорте, ведь терминология одна и та же. Главным предметом являлась «экономика социалистического хозяйства». Этого было вполне достаточно.

Не то на Западе. Там человек специализируется по выбранной профессии, отдельно изучая нужную область экономики. Студент

26.04.1958. Дедушка, почему-то, мне советовал жениться на Элизабет, если я или она меня еще любит, так он находит, что в моем случае гораздо лучше жениться рано в жизни. К сожалению, теперь Элизабет меня больше не любит, а я ей этого не мог сказать. Я ее видел почти каждый день, но, по-моему, мы оба чувствовали, что это была обязанность для нас обоих. Не имея денег, я никогда на ней не женюсь, – а все-таки хотелось бы, так как мало православных и хороших девушек в Париже.

Через 76 дней экзамены. Я абсолютно ничего не знаю, и если сдам удачно, то это будет чудо.

Сделал 100 фунтов на бирже, но пока думаю больше этим не заниматься, так как

Отшумел выпускной вечер. Никита окончил университет, пользуясь советскими оценками успеваемости, со средним баллом 4,5, получив степень магистра геологии. Позади остались тяжелая четырехлетняя учеба, веселые друзья, любимые профессора, очаровательные девушки. Но он чувствовал, что этот объем знаний не удовлетворяет его, образование надо продолжить. И это не давало покоя, словно не хватало чего-то важного, крайне нужного.

Вначале это были смутные, неопределенные желания, но постепенно он определился – ему

¹⁵ Лобанов-Ростовский Н.Д. Отрывки из дневника на протяжении пяти лет // Архив Н.Д. Лобанова-Ростовского. Лондон.

получает четко выраженную специализацию. Такое образование давал Колумбийский университет, куда Никита поступил на факультет экономической геологии. Так как базовое образование позволяло ему пройти ускоренный курс обучения, он учился всего два года: 1958–1960. Получив степень магистра экономической геологии, он вступил в большую жизнь и уехал работать в Аргентину.

ГЕОЛОГ

Василий В. Вырубов, дядя Никиты, 1945; жил в Буэнос-Айресе. Будучи в Аргентине, Никита проживал у него.

Н. Лобанов приземляется в Буэнос-Айресе, 1962

диких животных:

– Да ведь пампа – это одна сплошная трава. Трава, дружище, и больше ничего, одна трава и кое-где коровы¹⁶.

В следующем году он провел еще одну экспедицию – в Венесуэлу. Искали никель. Полевой сезон отработали удачно и глубокой осенью

2 февраля 1960 г. Никита был принят на работу ассистентом на кафедру минералогии, продолжая одновременно учебу. Полевую геологическую работу он обязан был совмещать с преподавательской. Аргентинская экспедиция была первая «настоящая», в страну с интересной геологией.

Буэнос-Айрес встретил его зноем и отсутствием дождей. Патагония, куда он был направлен, раскинулась без края, насколько охватывал глаз. Равнина поросла мелкой травой и кустами, среди которых изредка проносились страусы, и в траве шелестело какое-то зверье. Экспедиция вела разведку на нефть. У Никиты был ряд буровых, отстоящих друг от друга на несколько километров. Для передвижения ему выделили смиренную лошадь. Его работа заключалась в описании керна и отборе проб.

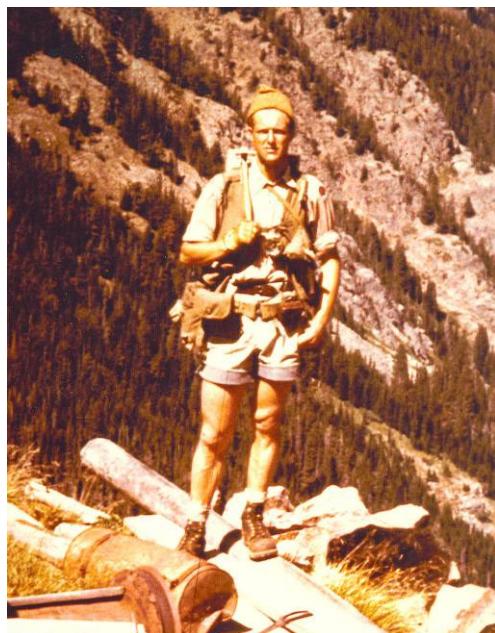
Свободного времени оставалось много, и он верхом делал экскурсии по окрестным местам. Исключительно для журналисток сообщаю, что змей, анаконд, тапиров, леопардов Никита Дмитриевич не встречал. Буровая производит много шума работающими механизмами, и звери, если они были, в ужасе разбежались. Недаром один англичанин сказал Джеральду Дарреллу, приехавшему в Аргентину ловить

¹⁶ Даррелл Д. По всему свету. Поймайте мне Колобуса. М., 1980. С. 11.

вернулись в Нью-Йорк.

Добыча ртути на Аляске,
месторождение «Синнабар-Крик»,
1965

На картировании месторождений
меди в Скалистых горах. Монтана,
США. 1959

Аляске, железа в Либерии, на алмазных разработках в Южной Африке.

Проработав в геологии два года, Никита задумался. Не то, чтобы она ему перестала нравиться или он разочаровался в ней – просто там мало платили. Он получал 500 долларов в месяц, а молодым людям этого явно недостаточно. У своих друзей он стал спрашивать совета: где надо устроиться, чтобы зарабатывать больше? Первый серьезный разговор был с князем Георгием (Джорджи) Васильчиковым. Г.И. Васильчиков – брат Марии Васильчиковой, принимавшей деятельное участие в антигитлеровском сопротивлении, автора знаменитого «Берлинского

Все шло хорошо. В университете его уважали коллеги. Часто были приезжие геологи из разных стран. Иногда их поручали встречать Никите. Однажды была группа из СССР. Мило беседовали ни о чем, затем гости спросили что-то о геологии Нью-Йорка. Никита, в свою очередь, спросил их, зная, что они из Казахстана, что-то о рудниках Джезказгана. Реакция его собеседников была непредсказуема – его обвинили в сборе разведывательной информации. Советский стукач дал ему такую характеристику: «Это не геолог, а просто шпион!». За вымышленной подписью в газете «Известия» появился соответствующий материал¹⁷.

Он всегда вспоминает геологическую службу с благодарностью, она помогла ему сориентироваться в жизни и выбрать дальнейшую работу. Начинал он с младшего геолога и окончил ее старшим. Главный вывод, который помогла ему сделать геологическая работа, – те, кто разведывает месторождения, – никогда не владеют ими. Чтобы закончить период этот, скажем, что Никита еще принимал участие в поисках ртути в Тунисе и на

¹⁷ Даренков Н. Гиды или шпионы? // Известия, 1961, 18 января, № 15.

дневника. 1941–1945». Он работал переводчиком в штаб-квартире ООН. Никита, зная, что Васильчиков получает 1500 долларов в месяц, спросил его – не лучше ли ему стать тоже переводчиком? Ответ Джорджи был отрицательным: «Ты всю жизнь останешься переводчиком и будешь получать все те же полторы тысячи». Это не подходило.

Тогда Никита написал письмо другу однокашнику из Оксфорда и спросил в шутку – как разбогатеть? Друг принял вопрос за чистую монету и подробно объяснил: есть три возможности. Во-первых, жениться на деньгах. Для Никиты этот путь был возможен, но неприемлем. Во-вторых, пользуясь родственными или дружескими связями, устроиться на руководящую должность в частный банк. Этот путь был тоже невозможен, так как у Никиты таких связей не было. В-третьих, пройти самостоятельно всю банковскую службу, по всей карьерной лестнице, начиная с самых низших должностей. Это было приемлемо, но надо было иметь высшее банковское образование. На работу поступил без всяких протекций, просто приходил в банки и спрашивал: вам нужны работники? В одном из банков ему предложили службу. По вечерам он учился в высшей школе бизнеса при Нью-Йоркском университете. Через два года успешно закончил ее. Учебе отдал 1961–1963 годы. Начался новый этап в жизни Никиты Дмитриевича.

ЗРЕЛОСТЬ НИКИТЫ

Оформления займа государственной алжирской компании «Сонатрак» на добывчу нефти, 1974

После четырех лет рядовой работы его приняли на службу в среднее звено помощником заведующего международным отделением «Кемикал Банк» (нынешнее название – «Чейс банк») в Нью-Йорке. С геологией он не покончил. Его банк инвестировал геологоразведочные работы, а, следовательно, и курировал их, так что геологическое образование Никиты Дмитриевича было весьма кстати. В этот период он участвовал в работах по разведке месторождения ртути, никеля, рассыпного золота и др.

Банковская работа за кажущейся рутинностью полна стрессов. Главная забота – выделить крупный кредит, но риск его не возврата (или возврата не вовремя) свести к минимуму. На первых порах Никиту Дмитриевича это мало беспокоило, ведь принимал решение не он. Но когда в 1967 г. его назначили на пост помощника вице-президента компании «Пруденшиал», – вот здесь пришлось принимать ответственные решения, т.е., попросту говоря, отказывать необоснованным проектам. Отказ сам по себе неприятен американцам, а отказ в выдаче кредитов – вдвое. Конечно, их отказы всегда были обоснованы, они предусматривали авторитетные

экспертизы с выслушиванием всех заинтересованных сторон. Нужно сказать, что в США подсчет запасов минерального сырья проводит не государственная организация, как ГКЗ у нас в России, а частные фирмы. Геологическое образование Н.Д. Лобанова сослужило ему хорошую службу, так как давало право выступать экспертом по тем или иным вопросам. К его мнению очень прислушивались.

В 1970 г. Никита Дмитриевич перешел на работу в «Уэллс Фарго Банк» и в 1974 г. переехал жить из Нью-Йорка в Сан-Франциско, где размещалась главная контора. Он получил высокую должность вице-президента и заведующего отделением по Ближнему Востоку и Африке. Послужил он в этой должности до 1979 г. Много приходилось ездить по миру. В основном они инвестировали нефтяные разработки арабов, но не пренебрегали и месторождениями сурьмы, золота, алмазов в развивающихся странах Африки. Я как-то по наивности и незнанию банковских порядков, спросил Никиту Дмитриевича: «А зачем нужны займы арабам, ведь они богатые», на что получил ответ: «Вот у богатых-то и нет лишних денег, все вложено в дело. На все новое требуются кредиты».

Он завел деловые отношения, переходящие в дружбу, с бесчисленными арабскими правителями и вождями Африки и везде был принят как «персона грата». Но на первом месте всегда оставались интересы банка, который он представлял. Дела шли успешно, риски были сведены к минимуму, богатые месторождения Среднего и Ближнего Востока давали большую прибыль, и она лилась рекой. До тех пор, пока у Америки не испортились отношения с Ираном, Ливией и другими странами, строящими, с подачи СССР, «мусульманский социализм». Разработки пришлось свернуть, а в Иране вообще их бросить и уносить ноги. Пришлось работу банков переориентировать на другие страны.

Конечно, тех прибылей, что у арабов, уже не было. Например, фирма Арманда Хаммера быстро обогатилась в Ливии. Разговоры о том, что ее многомиллионные доходы были сделаны на напалме, который она щедро поставляла на вьетнамскую войну, ошибочны. Сравнительные объемы капиталовложений в нефть и напалм были несоизмеримы. Нет более выгодного вложения капиталов, чем в нефть и газ на Ближнем Востоке, ибо стоимость добычи относительно невелика. Алмазы, золото, медь, молибден – вообще, всякие иные металлы в экономической геологии занимают подчиненное положение, их разведывают только потому, что без них не может функционировать промышленность. На первом месте по прибыльности (если оценка запасов произведена правильно!) стоит нефть. Недаром сказано: кто владеет ею – тот диктует миру условия.

В 1979 г. Никита Дмитриевич перебрался на постоянное жительство в Великобританию, в Лондон. Имя его в это время было уже очень известно в банковском мире, и он без труда получил высокую должность старшего вице-президента в «Международном банке финансов и ресурсов». Под

ресурсами подразумевались минеральные ресурсы, т.е. главная задача ставилась, в отличие от американского «Уэллс Фарго Банк», на разведке, освоении и эксплуатации полезных ископаемых.

В Англии он был в кругу университетских друзей, и это делало жизнь интересной и приятной. Еще в Америке к нему позвонили на работу и попросили о встрече представители ЦРУ. Они сказали, что у них есть серьезный разговор. Он принял их в рабочем кабинете банка и после того, как они объяснили, что были очень заинтересованы в сотрудничестве, сказал: «Пожалуйста, вынимайте диктофон и включайте его». Те включили.

«Я с вами не работал, не работаю, и не буду работать». Цэрэушники удивились и спросили: «Зачем Вы просите зафиксировать Ваш ответ?» На что Лобанов ответил: «А затем, чтобы об этом узнали в Москве через три дня!» Гостям ничего другого не оставалось, как уйти.

Работа в банке в Лондоне проходила очень успешно. Вершина его банковской карьеры приходится на 1974–1979 гг. В память о них остались две книги, написанные Никитой Дмитриевичем – «Финансирование торговли» (1980) и «Банковское дело» (1982). Последнюю работу он написал по причине слабых знаний сослуживцев, не могущих ответить на существенные вопросы по теории и практике их работы. Имя Н.Д. Лобанова-Ростовского внесено в биографические справочники – «Кто есть кто в мире» (1982–1983), «Кто есть кто в банковском и финансовом деле на Ближнем Востоке» (1982) и в биографический словарь Советского Союза за 1917–1989 годы.

В 1987 г. Никита Дмитриевич перешел на службу в алмазную компанию «Де Бирс».

ЭКСПЕРТ ПО АЛМАЗАМ

Транснациональная компания «Де Бирс» является не совсем обычной монополией. Она занимается алмазным бизнесом уже 100 лет. Никита Дмитриевич был 10 лет советником компании и знает ситуацию в ней из первых рук. Еще в начале 1970-х годов банк, где он служил вице-президентом, получил концессию на разработку алмазного месторождения в пустыне Калахари (Южная Африка). Он курировал эти работы, был также связан с алмазным бизнесом.

В 1987 г. «Де Бирс» ощущала острую необходимость доступа к лицам, принимающим стратегические решения по алмазам в СССР, так как страна вышла в пятерку государств, торгующих алмазами. Они стали искать русскоязычного человека, который мог бы представлять их интересы в России. Выбор остановился на Н.Д. Лобанове-Ростовском. Он, во-первых, хорошо говорил по-русски; во-вторых, знал специфику алмазной промышленности; в-третьих, его прошлое и гибель отца от рук НКВД служили гарантией, что он не будет работать на Советы; в-четвертых, он

регулярно, с 1970 г., вел банковские дела в СССР и был знаком с многими важными персонами в руководстве Союза, выделяя им кредиты по 100 миллионов долларов, и, в-пятых, в досье на него ни в Англии, ни в Америке, ни в Советском Союзе не было компрометирующих его сведений, а копали спецслужбы очень глубоко. Например, руководство «Де Бирс», состоящее из бывших сотрудников английской военной разведки, полгода проверяло его по всем направлениям.

Проверки прошли успешно. Его представили сэру Филиппу Оппенгеймеру, руководителю центральной сбытовой организации, занимающейся продажей алмазов (ЦСО) и совладельцу «Де Бирс». Работа Никиты Дмитриевича была строго секретной, он никому не имел права сообщать о ней (даже сотрудникам фирмы!), кроме как трем лицам, состоящим в руководстве компании.

«Де Бирс» представляет многопрофильное объединение: оно производит и скупает алмазы, а затем их продает, поддерживая на них постоянную стабильную цену. Оно не стремится к кратковременному успеху, а планирует постоянных, надежных, долговременных партнеров. Контролируется много лет одной семьей Оппенгеймеров. И хотя продажа алмазов выделена в самостоятельную организацию (ЦСО), во главе которой стоит сэр Филипп, кузен Оппенгеймера, председателя «Де Бирс», то ЦСО и «Де Бирс» – фактически это одна фирма, разделенная для удобства на две организации. Интересно, что руководитель одной организации не вмешивался в дела другой, решения принимались вполне самостоятельно. Доходы, естественно, шли и идут в одну кассу. Годовой оборот «Де Бирс» составляет от 4 до 5 миллиардов долларов. Ювелирные алмазы составляют главную долю – до 90 процентов¹⁸.

Часто «Де Бирс» важные решения не фиксирует письменно, иногда даже многомиллионные соглашения заключаются устно. Так принято в алмазном бизнесе. Излишне доказывать – слово руководителей компании твердо, оно имеет безупречную деловую репутацию. Были случаи, когда «Де Бирс» выполняло соглашения даже с сознательным убытком для себя. Так, сэр Филипп Оппенгеймер выдал советской фирме 1 миллион долларов ввиду понесенных ею убытков. По американским меркам над ним бы смеялись коллеги, ибо он поступил «как дурак». Романтизм свойствен большим людям чаще, чем нам кажется.

В 1989–1995 гг. на съезде народных депутатов и в Госдуме происходили ожесточенные прения. Российским депутатам казалось, что «Де Бирс» их обманывает, дешево покупает алмазы. Была сделана

¹⁸ Н.Д. Лобановым-Ростовским по данной тематике опубликованы следующие статьи: Алмазная монополия «Де Бирс»: взгляд изнутри // Ювелирный мир. 1998, № 1 (7); Алмазы тоже «замерзают» // Ювелирное обозрение, 1998, декабрь, № 3; Де Бирс и Россия // Интеллектуальный капитал, 1998, № 3 (15); Российские алмазы на западном рынке: пути продвижения // Ювелирное обозрение, 2002, № 7. С. 18–19.

экспертиза цен. Они оказались правильны. Тогда был выдвинут лозунг: «Будем сами торговать алмазами!» В эту истерическую кампанию включились коммунисты. Под призывом – «не дадим распродать российские богатства!» – они санкционировали продажу в обход соглашения «Де Бирс».

Тедди Дау, директор «Де Бирс», Н. Лобанов и сэр Филипп Оппенгеймер в Москве

Все кончилось жутким крахом – из-за недостаточной компетентности руководителя Главалмаза Е.М. Бычкова, в 1989 г. продавшего на 42 миллиона долларов алмазы бельгийским и английским фирмам, упущенная выгода составила 22 миллиона долларов. Афера Бычкова заслуживала бы тюрьмы, но М.С. Горбачев, с подачи Н.И. Рыжкова, ограничился выговором с занесением в учетную карточку¹⁹. В дальнейшем, Бычков совершил еще один «подвиг»

– сделал подобный трюк на 100 миллионов долларов с подставной фирмой «Голден АДА». Б.Н. Ельцин, добрая душа, всего лишь отправил его в отставку. Сейчас Бычков занимается в банковском бизнесе.

В 1980-х годах Никита Дмитриевич относительно часто встречался с руководителями КГБ, а затем и Генеральным секретарем ЦК КПСС Юрием Владимировичем Андроповым. Этот человек, любитель живописи, сам поэт, был в отношениях с Лобановым по-русски гостеприимен, внимателен, соглашался со здравыми доводами, хотя Н.Д. Лобанов и знал, что он непримирим к диссидентам.

Настала перестройка. СССР испытывал большие финансовые затруднения. Руководство Союза, в лице М.С. Горбачева, брало у «Де Бирс» большие займы в форме предоплаты за алмазы. В 1990 г. оно заимствовало у нее 1 миллиард долларов под залог алмазов из Гохрана. Ни один западный банк, учитывая плачевное состояние СССР, не соглашался на такой большой заем, но «Де Бирс» пошла навстречу. Было подписано кредитное соглашение. Однако правительство Н.И. Рыжкова и тут не смогло обойтись без хитрости – в залог они получили низкосортный материал, неликвиды, мелкие камни, которые на рынке не пользуются спросом. Горбачев, возможно, и не знал об этой хитрости.

Кстати, о порядках в Гохране. С первых дней российской власти там процветает безудержное воровство. Алмазы хранились в мешках, не переоценивались на текущие цены. Не пользоваться этим может только

¹⁹ Тесленко В. Утечка алмазов из России: кто первый? // Ювелирное обозрение, 1999, №7 (10), июль.

ленивый. Недаром пятый директор многозначительно произносил: «Четырех директоров до меня расстреляли...», намекая, что и его ждет такая же судьба. Не говорит только, за что расстреляли, – не за оппозицию, троцкизм, левый или правый уклон, шпионаж, вредительство и прочее, а за хищения в особо крупных размерах. Певец карательных органов Юлиан Семенов здраво показал это в документальном романе «Бриллианты для диктатуры пролетариата».

В 1987 г. Советский фонд культуры решил издавать свой печатный орган «Наше наследие». Н.Д. Лобанов наладил связи между Фондом культуры и «Де Бирс», в результате которых академик Д.С. Лихачев и сэр Филипп подружились. Для создания хороших отношений с СССР «Де Бирс» решила финансировать издание журнала. Нужно сказать, что Фонд культуры возглавлял известный и любимый всею интеллигенцией академик Д.С. Лихачев. Первым заместителем его был назначен закоренелый партаппаратчик, бывший первый секретарь Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясников. Он выполнял роль надзирателя от партии за деятельность Фонда²⁰. В правление Фонда входила и «первая леди» Р.М. Горбачева, которая скромно считала себя движущей силой культуры.

В 1988 г. в Лондоне было подписано соглашение о том, что «Де Бирс» на развитие Фонда культуры дает безвозмездно миллион долларов. Подписал его Г.В. Мясников. Зная наши партийные порядки очень хорошо, он попросил сэра Филиппа Оппенгеймера не переводить деньги в советский банк, а положить их на депозит в западный, что и было сделано. Жизнь подтвердила худшие опасения Мясникова – вся валюта со счетов российских банков была конфискована в начале 1990-х годов во время очередного финансового кризиса.

С лета 1988 г. и по сей день Фонд культуры выпустил 60 номеров «Нашего наследия», и в каждом из них проводится непрестанная благородная работа, посвященная возрождению отечественной культуры, старым и новым коллекциям и рукописям, возвращению незаслуженно забытых имен и многому другому. В течение 15 лет это лучший культурологический журнал России. Есть в этом и непреходящая заслуга

²⁰ Мясников Г.В. «Душа моя спокойна». Из дневников разных лет // Наше наследие, 2001, № 59–60. С. 87 (фото). Преобладающей нитью в дневниках Г.В. Мясникова проходит мысль о вреде перестройки, ее ненужности, оплевывании «великих успехов» социализма, попрании «идеалов» и прочий партийный бред. Много страниц посвящено Д.С. Лихачеву, который показан как «капризный старик»; не брезгует он и откровенной клеветой. Так, в записи от 29.01.1992 г. сказано о том, что Фонд культуры, якобы, обязан «быть академическим, обслуживать научные и личные интересы академика Д.С. Лихачева, его камарильи, которая быстро набилась в президиум Фонда». Из этого ясно видно, что Г.В. Мясников был в Фонде случайным человеком и в 1992 г. бесславно покинул его вместе с исчезновением КПСС.

сэра Филиппа Оппенгеймера, Н.Д. Лобанова-Ростовского, Д.С. Лихачева, Г.В. Мясникова, П.В. Енишерлова, Р.М. Горбачевой и мн.др.

В 1999 г. на Украине, в Донецке, вышла книга Николая Арсеньева «Алмазная война»²¹. Сочинение это примечательно во многих отношениях. Во-первых, автор представлен как контрразведчик. Во-вторых, он разбалтывает многие государственные тайны, вплоть до агентурных имен секретных агентов, естественно, с их настоящими фамилиями. В-третьих, Е.М. Бычков обвиняется ни много ни мало в создании канала по переброске алмазных запасов Госфонда в Израиль. И, наконец, автор во многих хищениях алмазов обвиняет Российский Еврейский Конгресс. На это только можно возразить, что горе такому государству, где контрразведка только наблюдает и фиксирует: что – где – когда разворовывается; она для того и существует, чтобы пресекать такие действия в зародыше. В ряду врагов молодой России назван и Никита Дмитриевич. Трудно в это поверить, потому, что он не тот человек, которого можно купить. Да и проверяли его контрразведчики почище наших. История его жизни говорит убедительнее любых «учебных пособий» (такой подзаголовок имеет книга «Алмазная война»). Нужно сказать, что автор признает, ссылаясь на досье в КГБ, высочайший профессионализм Н.Д. Лобанова-Ростовского.

СОВЕТНИК «СОТБИС» И «КРИСТИС»

В 1991–1997 гг. Никита Дмитриевич служил советником аукционных фирм «Кристис» и «Сотбис» (в последней с 1992 г.). Это самые старые и авторитетные фирмы, торгующие искусством. Их история известна с середины XIV в. Тысячи произведений живописи, графики, рисунков, икон, произведений декоративно-прикладного искусства, миниатюр, книг и рукописей, ювелирных украшений прошли через их торги. Клиентами являются коллекционеры и торговцы. Цены таковы, что ошеломляют. Никиту Дмитриевича пригласили туда как известного коллекционера и специалиста по русской театрально-декорационной живописи и дизайну.

<...>

После проведения аукциона Никита Дмитриевич выступает в разных изданиях со статьями, где проводит публичный анализ торгов²². На

²¹ Арсеньев Н. Алмазная война. Учебное пособие. Донецк, 1999. С. 75–78.

²² По аукционам русского искусства Н.Д. Лобановым-Ростовским опубликованы следующие статьи: Анненкова купили по телефону // Человек и карьера, 1994, № 12. С. 15; Русская левая живопись на аукционе Christies. Обзор рынка. Лето 1999 // European Herald. Европейский вестник. Лондон, 1999, № 31; Русский авангард. За кулисами торгов. Беседа Ольги Сперанской с Д. Бараном, А. Джуда, Н. Лобановым-Ростовским, А. Наковым. Д. Сарабьяновым // Наше наследие, 1999, № 48. С. 123–135; Русский авангард на последних аукционных торгах // Русская мысль. Париж, 2000, 8–14 июня; Цены на русское искусство растут // Числа. Мариньи, 2001, № 6. С. 18–20; Русский

подобные публикации существует устойчивый спрос читателей; многие, не имея возможности приобретать искусство, покупают и собирают эти материалы и приобщаются к прекрасному. Есть и коллекционеры этих публикаций. Многотомные собрания аукционных каталогов и материалов продаж являются гордостью библиофилов, особенно если они подобраны за многие годы.

Никита Дмитриевич, выступая в роли комментатора торгов, рассказывает не только о значимости проданных произведений искусства, но и оценивает правильность примененной стратегии. Например, в статье «Цены на русское искусство растут» прямо говорит, что, если цены будут немного меньше, – русское искусство будут брать²³.

Есть и любители театрально-декорационной живописи. Среди них Никита Дмитриевич. Много он купил на «Сотбис» произведений этой живописи и графики. Подробнее расскажем об этом ниже, в главе «Коллекция».

Перипетии торгов бывают интереснее детектива. Так, в статье в «Русской мысли» в июне 2000 г. Никита Дмитриевич анализировал неудачи аукционного дома «Филлипс» (Нью-Йорк) и прямо указывал, что конфуз с русским авангардом обусловлен завышением стартовой цены в десять раз. Мы говорим о полотне художника А.К. Богомазова, «украинском Пикассо», оцененном в 40–60 тысяч долларов. При «умеренных ценах на хорошие произведения искусства покупатели всегда находятся»²⁴.

Примерно такую же картину видим и на аукционах «Кристис». В 1996 г. Никита Дмитриевич дал обзор происходящих на нем событий. На лондонском рынке продолжается устойчивый спрос на русских авангардистов: Малевича, Шагала, Кандинского, Лисицкого, Явленского, Архипенко, Гончарову, Ларионова, Полякова. Главными требованиями к произведениям искусства являются: а) происхождение из коллекции, в которой картина находилась много лет вне России; б) наличие сертификата подлинности предпочтительно не от русского искусствоведа или музея; в) реальная оценка стоимости по сегодняшнему дню, т.е. все те же требования, что появились на «Сотбис». Вывод, к которому пришел Никита Дмитриевич: в наше время вполне возможно создание значительного собрания левого искусства 1920–1930-х годов, если платить за него свыше 50 тысяч долларов (за 1 картину!).

<...>

антикварный рынок на рубеже XX-XXI веков // Наше наследие, 2002, № 62. С. 27–42. Мы упомянули значительные по объему публикации.

²³ Н.Д. Лобанов-Ростовский. Цены на русское искусство растут // Русская мысль. Париж. 2000. 30 ноября. № 4343. С. 16.

²⁴ Н.Д. Лобанов-Ростовский. Русский авангард на последних аукционных торгах. С. 18.

Л. Попова, *Пространственная конструкция*, 1921, масло на фанере

падения цен на искусство русского авангарда. Те, кто сегодня покупает по заниженным ценам, через 3–5 лет будут счастливыми обладателями произведений русского авангарда, приобретенных сравнительно дешево»²⁶.

Чтобы закончить эту тему, скажем, что недавно Никита Дмитриевич выступил с большим интервью журналу «Наше наследие», где оценивал русский антикварный рынок на рубеже XX–XXI вв. Не пересказывая эту беседу, укажем только, что главной помехой в России торговлей художественными ценностями являются абсурдное законодательство о вывозе и ввозе произведений искусства и чрезмерные налоговые требования.

<...>

Хотя Никита Дмитриевич уже не работает в «Сотбис» и «Кристис», он внимательно и доброжелательно следит за их жизнью. И объективно рассказывает нам о всех перипетиях торговли искусством. К нему с уважением прислушиваются тысячи покупателей во всем мире. С берегов Темзы до нас долетает его благожелательный и мудрый голос.

В 1999 г. в Лондоне состоялась беседа крупнейших коллекционеров, ученых и галеристов о судьбах русского авангарда. В ней приняли участие Джудиан Барран, Аннели Джуда, Никита Лобанов-Ростовский, Андрей Наков и академик Дмитрий Сарабьянов (см. прим. 22). Участник беседы Н.Д. Лобанов-Ростовский горько констатировал, что «в России частных коллекций русского авангарда почти не существует, как и собраний театрального дизайна»²⁵. (Вообще самые первые торги их прошли на «Сотбис» 1 июля 1970 г. под руководством Т. фон Вацдорфа. Консультировала крупнейший знаток этого искусства Камилла Грей.)

Подводя итоги беседы, Никита Дмитриевич с уверенностью предрекал: «За последние 30 лет было три волны взлета и

²⁵ Сперанская О. Русский авангард. За кулисами торгов // Наше наследие. 1999. № 48. С. 125.

²⁶ Там же. С. 135.

ИСКУССТВО СОБИРАТЬ ИСКУССТВО

Л. Бакст. Акварель

Л. Бакст. Юдифь и Олоферн, 1922

считал ее «лучшей и грандиозной из зарубежных коллекций этого рода». История создания, не имеющего себе равных в истории культуры собрания, начиналась просто и буднично. Сам Никита Дмитриевич никогда не предполагал, во что выльется его невинное восхищение театральной живописью.

1954 год. В Лондоне открывается выставка, посвященная замечательному и великому театральному деятелю Сергею Павловичу Дягилеву. Ее устроил выдающийся английский критик и искусствовед Ричард Баккел. На ней в большом количестве и многообразии была представлена яркая, праздничная и необыкновенная театрально-декорационная живопись художников, сотрудничавших в антрепризе Дягилева на протяжении 20 лет. Выставка была праздником для юного Никиты, готовящегося стать студентом Оксфорда. Повела туда его крестная мать Катя Ридли, о которой мы уже выше упоминали.

Никита Дмитриевич позднее вспоминал: «Я был сражен красотой того, что мне пришлось увидеть: театральностью, буйством лубочных цветов, всей этой „русской“ностью“, что имела такое важное значение для моих все-таки „не западных“ глаз. Как зачарованный смотрел я на эти работы и как-то в один миг решил, что в моей жизни обязательно настанет такой

<...> Коллекция Никиты Дмитриевича занимает одно из лучших мест. Его коллекция уникальна, бесподобна, величественна, крупнейшая, интереснейшая в научном отношении, редкая по подбору мастеров, дивная по эстетическому совершенству. Все превосходные эпитеты по праву к ней применимы, можно перечислять бесконечно определения, но надо обратить внимание на главную сущность ее – второй такой больше нет. И не потому что она очень значительна количеством работ (около 1500) и составом мастеров (более 150 имен), – она является нам энциклопедией театральной живописи. В ней не пропущено ни одно имя, значительное или малоизвестное.

В течение 50 лет Никита Дмитриевич самозабвенно пополняет свое собрание новыми именами и работами, и на сей день он создал самую авторитетную коллекцию, которую знают во всем мире. Доктор искусствоведения И.С. Зильберштейн

прекрасный день, когда подобные работы станут моими»²⁷. Вот тогда и был заложен фундамент великой коллекции. Но до начала ее реализации прошло много времени. Единственным и главным препятствием было отсутствие средств. Собирательство – необыкновенно сильная страсть. Собиратель всегда должен знать более других, даже специалистов. Есть два типа коллекционеров: первый – собирает строго определенное, задаваясь целью полноты на выбранную тему. Под этот случай хорошо подходит монографическое собирательство, например, все офорты Пиранези. Второй типставил более широкие задачи, воврав в свое коллекционерство, скажем, уже не одни офорты Пиранези, а всю театральную гравюру XVIII в. Конечно, степень полноты – это «благие намерения», к которым собиратель может никогда не приблизиться, но у него есть постоянно действующая программа, которую он, по мере возможности, выполняет. Если перевести на язык театральной живописи, то у Никиты Дмитриевича была программа-максимум, которая звучит так: собрать работы всех художников театра в период 1880–1930-х годов, которые повлияли на развитие сценографии этого времени.

Почему выбраны такие хронологические рамки? Так диктует нам история сценического искусства и периодизация театральной живописи. 1880 год – год зарождения нового театра, возникновение Частной оперы (1885) Саввы Ивановича Мамонтова с отказом от назидательных декораций и рутинных костюмов, сделанных по многолетней традиции, т.е. ремесленнически. У Мамонтова же декорации делали свежо, ярко, необыкновенно, без оглядки на раз найденные приемы. «...Они сыграли большую роль в декорационном искусстве русского театра; они заинтересовали талантливых художников, и с этих пор на горизонте появились настоящие живописцы, которые постепенно стали вытеснять прежних декораторов, представляющих собою подобие простых маляров», – вспоминал К.С. Станиславский²⁸.

<...>

С 1880-х по 1930-е годы, которыми Никита Дмитриевич ограничил свою коллекцию, много воды утекло. Направления в искусстве менялись с молниеносной быстротой: неоклассика, символизм, «Мир искусства», примитивизм, футуризм, супрематизм, конструктивизм и другие, более мелкие. Начиная с «Мира искусства», русские художники стали искать новые средства и идеи в модерне и добились здесь больших успехов. Затем, в 1910-х годах, настало время авангарда. Это был, действительно, огромный шаг вперед, но этот авангард уходил корнями в нашу самобытность, народное или кустарное искусство.

²⁷ Лобанов Н. Судьба – Коллекция – Россия // Новый журнал, Нью-Йорк, 2000, декабрь, №221. С. 142.

²⁸ Цит. по: Копишицер М.И. Савва Мамонтов. М., 1972. С. 86.

890

С. Судейкин. Эскиз костюма
Трубочиста, балет
«Петрушка», 1925

мирового собирательства. Это рукотворный гигантский памятник искусству, созданный одним человеком на протяжении одной жизни.

К 1934 году принятия известных постановлений ЦК ВКП(б) в области искусства, модернизм был задушен и далее началась эпоха безликого и убогого социалистического реализма. Вот конечная граница собрания Никиты Дмитриевича. Весь процесс во времени занял пятьдесят лет.

А. Экстер. Эскиз костюма

Задача, которую Никита Дмитриевич ставил собирательством своим, была простая и сложная одновременно. Во-первых, показать непрерывную эволюцию изменчивости русской театральной живописи 1880–1930-х годов как в Отечестве нашем, так и эмиграции. Во-вторых, он не терял ни на миг надежды, что этой живописью когда-нибудь заинтересуются в России. Он дожил до этого времени, хотя ждать пришлось очень долго. Теперь, по истечении 45 лет со дня приобретения первой работы, весь мир – от Америки до Японии – получает огромное эстетическое удовольствие от знакомства с работами, собранными Н.Д. Лобановым-Ростовским. Он выполнил долг русского человека перед искусством России и создал великую коллекцию, вошедшую в анналы

Первые приобретения коллекционера, как необыкновенные события, всегда памятны. Был 1959 год. Никита Дмитриевич, будучи студентом, работал переводчиком в Колумбийском университете. Отложив небольшую сумму из своего скромного заработка, он купил несколько эскизов костюмов Сергея Судейкина к балету И.Ф. Стравинского «Петрушка»²⁹. С тех пор Судейкин, как первая любовь, пользовался особой привязанностью у Н.Д. Лобанова. Надо сказать, что и стоил Судейкин сравнительно дешево – 25 долларов за рисунок. Искусство Судейкина было ярко декоративно. Это наложило отпечаток на последующие

²⁹ Никита Лобанов-Ростовский: Не собирайте то, что считается модным // Коммерсант, 1999, 10 июля. С. 7.

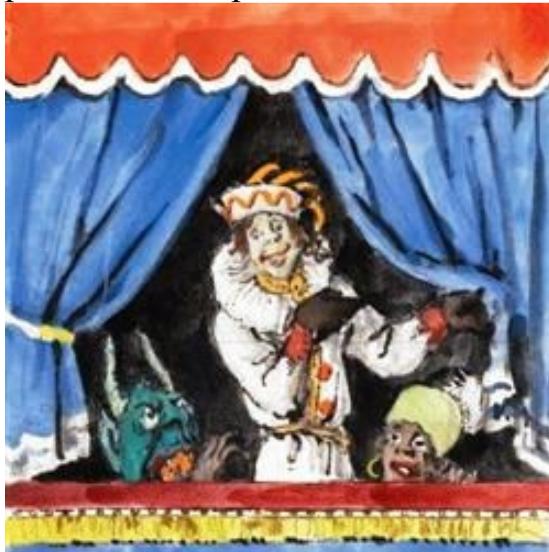
симпатии Никиты Дмитриевича – его всегда тянуло к праздничности и «крику» в живописи, которые обусловлены преобладанием в колорите красных тонов.

А. Головин. Эскиз костюма Кащея (Солдатников), балет «Жар-птица», 1910

В 1962 г. Никита Дмитриевич женился на очаровательной девушке Нине Жорж-Пико, француженке русского происхождения. Она была дочь посла Франции в ООН. Нина в качестве свадебного подарка преподнесла мужу эскиз А.Н. Бенуа к «Петрушке». Нечего и говорить – о лучшем подарке он не мечтал! Так был заложен фундамент замечательной коллекции, которая ежегодно пополнялась и к 1980 г. насчитывала около 600 произведений, а к концу 1996 г. – 1100. В ней есть почти все имена, вписанные в историю русской сценографии. Перед нами проходит картина сложных явлений и художественных исканий, характерных для искусства конца XIX–начала XX в. Это дает возможность воспринимать декорационное искусство как один из наиболее существенных компонентов русской

культуры. Нет только мастеров, которых Никита Дмитриевич не приобретал сознательно, например, Р. Эрте. На то есть свои причины – он кажется ему очень женственным. В собрании нет В. Кандинского – он не работал в театре.

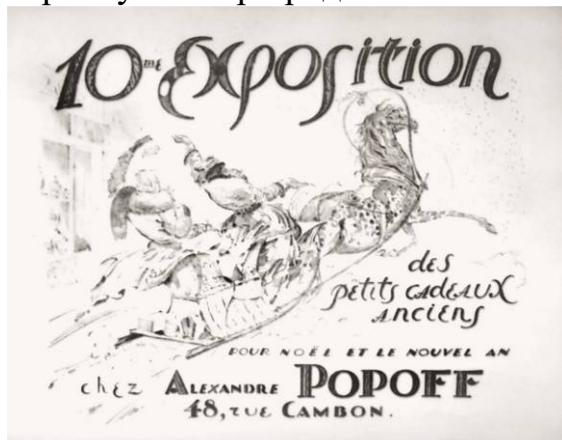

А.Н. Бенуа, Петрушка

Никита Дмитриевич начал собирать русских театральных художников очень вовремя, т.е. это был момент, когда этих мастеров не ценили, работ их было на рынке много, и стоили они дешево. На Западе тогда никто не интересовался русским искусством и таким образом многое доставалось ему. Не то сейчас, когда цены на творения театральных художников выросли в десятки и сотни раз. Вот почему Джон Боулт, давний друг Н.Д. Лобанова-Ростовского и автор фундаментальных трудов о его

коллекции, сказал: «Сегодня, даже имея неограниченные средства, нельзя составить такое собрание», имея в виду состояние антикварного рынка. Все ценное уже куплено. Сейчас очень сложно приобрести, к примеру, Бакста или Экстер. Кроме того, что они появляются на рынке очень редко,

стоят – баснословно дорого. Например, в 1986 г. на аукционе «Сотбис» картину Экстер продали более чем за миллион долларов³⁰.

С. Чехонин. Плакат для выставки-продажи для магазина Александра Попова, 1937.

Ядром коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского стали произведения мастеров «Мира искусства», непосредственно связанные с Русскими сезонами С.П. Дягилева. Работы Льва Бакста, Александра Бенуа, Ивана Билибина, Николая Рериха, Сергея Чехонина, Константина Коровина, Александра Головина, Дмитрия Степлещекого, Натальи Гончаровой, Михаила Ларионова иллюстрируют сверкающий путь Дягилевской антрепризы. Как

свидетельствует М.П. Пожарская, «за каждым эскизом декорации, костюма, грима, за каждым рисунком, запечатлевшим сцены закулисной жизни, встают события его (Дягилевского театра) истории»³¹.

Сведения о Лобановской коллекции с трудом пробивали дорогу в Советском Союзе. До 1986 г. имя его было под запретом, но попытки ввести его в научный оборот делались. Первую робкую попытку ознакомить с малой частью его собрания сделала Дора Зиновьевна Коган в монографии «Сергей Судейкин». Она поместила в ней 11 репродукций с работ Судейкина, принадлежащих Н.Д. Лобанову, и указала на ту огромную помощь, которую он оказал ей, рассказав об американском периоде жизни мастера, ознакомив со многими произведениями художника, прислав многочисленные фотографии и негативы с его работ. Д.З. Коган по праву считается первооткрывателем имени Никиты Дмитриевича в СССР. Жаль, что это было сделано в малых объемах³². Как имя Н.Д. Лобанова проскочило через непроходимые заслоны цензуры – тайна.

Вторую, более удачную и фундаментальную попытку рассказать о Лобановской коллекции сделал патриарх отечественного собирательства профессор Илья Самойлович Зильберштейн в 1980-е годы. Он написал огромную статью «Дело жизни. Лучшая зарубежная коллекция русского театрально-декорационного искусства». Автор восхищался ролью Никиты Дмитриевича в создании такого эпохального памятника культуры и привел

³⁰ Князь Лобанов-Ростовский. Я хотел бы быть Лоренцо Медичи // Деньги, 1997. № 6 (114).

³¹ Пожарская М. Коллекция Лобановых-Ростовских // Художники русского театра. 1880–1930. М., 1991. С. 89.

³² Коган Д. Сергей Юрьевич Судейкин. 1884–1946. М., 1974. С. 152, 153, 156, 164, 193 (прим.)

слова, сказанные когда-то С.П. Дягилевым: «Вспомните о нас, „малых сих“, для которых вопрос русских культурных побед есть вопрос жизни»³³.

Н. Лобанов и В.А. Пушкирев

Вот как вспоминает Никита Дмитриевич о встречах с И.С. Зильберштейном: «Познакомил меня с ним Иссар Саулович Гурвич. У Гурвича я также познакомился с В.А. Пушкиревым. В 1964 г. он был директором Русского музея. Торговец картинами Гурвич был другом семьи А.Н. Бенуа. Его фото есть в книге Зильберштейна „Александр Бенуа размышляет“ (стр. 113).

В 1966 г. я был командирован в Париж „Химическим банком“. Жили мы тогда в Нью-Йорке, и я работал в иностранном отделе, в западноевропейской секции. Гурвич мне объяснил, кто такой Зильберштейн, дал мне адрес гостиницы, где он проживал на ке Вольтер, и мы с Ниной туда поехали.

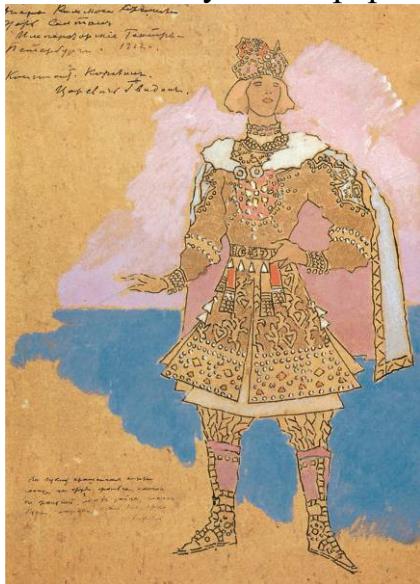
Мы сразу же наладили дружеские отношения и пригласили его к себе на ужин в следующее воскресенье, дабы показать ему наши парижские приобретения, главным образом, работы А.Н. Бенуа. Будучи диабетиком, Илья Самойлович за ужином мало что кушал. Пил чай. Увидев, что Нина и я серьезно увлечены „Миром искусства“ и, в особенности, театральной живописью, Зильберштейн нас всячески поощрял и поддерживал. Ему очень захотелось иметь портрет Бунина работы Бакста, который я купил у госпожи Константинович (madame Constant, племянницы Бакста), а также карандашный рисунок – портрет Есенина работы А.Н. Бенуа, который я купил у его дочери Анны Черкесовой. Мне было жалко с ними расставаться, и я их ему не дал.

Гораздо позже, когда он опубликовал в „Огоньке“ свои впечатления от поездки во Францию и множество статей под названием „Парижские находки“, одну из них он посвятил нашему собранию, где фамилия собирателя не указана³⁴. Зильберштейн, извиняясь, прямо сказал, что КГБ ему запретило указывать имя коллекционера. С 1970 г. я ездил по делам банка, по крайней мере, раз в год в Москву и всегда встречался с Зильберштейном. Илья Самойлович мне предложил подарить портрет Бунина и Есенина, а за этот жест он брал на себя уговорить КГБ снять запрет на употребление моего имени в его статьях. Я согласился. Илья

³³ Зильберштейн И.С. Дело жизни. Лучшая зарубежная коллекция русского театрально-декорационного искусства // Огонек, 1986, № 36. С. 24.

³⁴ Вышеназванные статьи И.С. Зильберштейна были переизданы вторым изданием под названием «Парижские находки. Эпоха Пушкина» (М., 1993). Издание это в сравнении с журнальным вариантом переработано и сокращено.

Самойлович пошел на Старую площадь, на основании моего устного согласия, и вернулся довольным, несмотря на то, что ему долго пришлось уговаривать генерала. В следующий приезд я привез и передал Илье Самойловичу оба портрета.

К. Коровин. Эскиз костюма для Гвидона, «Сказка о царе Салтане, Санкт-Петербург, 1912

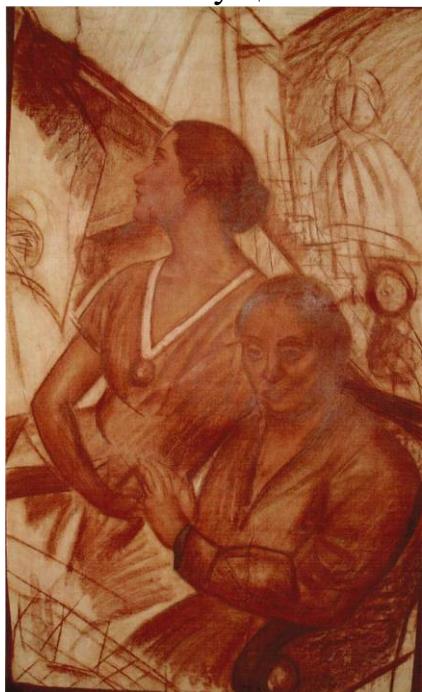
В Париже Илья Самойлович разыскивал (среди множества другого) тексты статей, которые Константин Коровин публиковал в газете „Возрождение“. В редакцию газеты во время войны упала бомба, и архив был разрушен. Коровину не удавалось жить на доходы от продажи живописи, и потому он писал увлекательные рассказы в газете для дополнительного заработка. Илья Самойлович вслед за „Александр Бенуа размышляет“ собирался издать книгу „Константин Коровин вспоминает...“. Часть статей ему удалось найти, но большинства он не имел.

В своих поисках театральной живописи я искал следы покойного А.К. Коровина, чей стиль очень напоминает работы отца, как по палитре, так и по творчеству. Михаил Бенуа (заведующий Русской Частной оперой в

Париже Марии Кузнецовой) мне дал адрес вдовы Алексея Константиновича (1897–1950), у которой была двухкомнатная квартира в 16 квартале Парижа, у нее осталось мало работ мужа, я все купил. А на вопрос: есть ли у нее еще что-нибудь? – она указала на большой пакет, весом 5 килограммов. „Это вырезки статей его отца, хотите их?“ Я тут же их купил и поблагодарил судьбу за то, что она меня привела туда, ибо, спустя месяцев 6 после моего визита, она скончалась. Я отвез в Москву пакет со статьями и передал их Илье Самойловичу. Таким образом, у него очутился почти весь подбор, и он смог опубликовать книгу (Константин Коровин вспоминает... М.: Изобразительное искусство, 1971, 1 изд.).

А.А. Евреинова дружила с сестрой Яковлева (Александр Евгеньевич (1887–1938), художник, с 1920 г. – эмигрант) Шурой. Во время экспедиции в Африку под спонсорством фирмы «Ситроен», Яковлев писал регулярно дневник в тетрадях с черной обложкой. После его смерти около десяти тетрадей остались у Яковлевой. Евреинова приобрела три из них и передала в ЦГАЛИ. И.С. Зильберштейн их там увидел, и, прочтя, решил издать книгу об А.Е. Яковлеве на основании его дневников. Ему нужен был доступ к остальным тетрадям. По его просьбе я их купил и передал в ЦГАЛИ, где они находятся и по сей день. А в архиве Ильи Самойловича, находящегося у его вдовы Натальи Борисовны Волковой, на их квартире в Староконюшенном переулке, есть папка с материалами, которые

Зильберштейн начал набирать для книги. Его преждевременная кончина не позволила осуществить книгу об Александре Яковлеве»³⁵.

*А. Яковлев. Портрет
Саломеи Н. Адрониковой (в
зам. Гальперн; слева). Дар Н.
Лобанова Дому-музею М.
Цветаевой, Москва*

Но вернемся к статье Зильберштейна. Весь второй раздел Илья Самойлович посвятил роду Лобановых-Ростовских, где очень тепло и точно писал, что «по части собирательской увлеченности, а также по сердечному тяготению к искусству достойным последователем своих далеких сородичей стал Н.Д. Лобанов»³⁶. Как мы знаем, многие предки Никиты Дмитриевича имели крупнейшие коллекции, которые сейчас украшают залы Русского музея и Эрмитажа.

Илья Самойлович подводит итог собирательской деятельности Н.Д. Лобанова и прямо утверждает, что «ныне из всех существующих за рубежом такого рода личных коллекций, собрание Лобановых с полным основанием считается не только лучшим, но и грандиозным». Добавим для полноты: не только за границей, но и в Советском Союзе!

Третий раздел публикации был посвящен великой деятельности реформатора театра С.П. Дягилева и невероятным успехам его труппы за рубежом в течение двух десятилетий. И, наконец, последняя, четвертая глава описывала триумфальное шествие коллекции Н.Д. Лобанова по выставочным залам Америки. В заключение Илья Самойлович выражает надежду, что в будущем в Музее личных коллекций будет отведено место собранию Н.Д. Лобанова. Напомним читателям, что это было опубликовано в 1986 г.

Казалось бы, что в статье неприемлемо? Но не тут-то было. И.С. Зильберштейн работал над статьей о Лобановской коллекции в конце 1982 г. В начале 1983 г. он передал ее главному редактору журнала «Огонек» А.В. Софонову, «многотомному» писателю. Тот отправил ее на проверку в КГБ, в результате чего получил ответ от 25.05.1983 г. за № 4/ПБ – 1025. Письмо гласило:

КОМИТЕТ
Государственной

Для служебного пользования
Главному редактору журнала «Огонек»

³⁵ Письмо Н.Д. Лобанова А.П. Банникову от 22.02.2002 // Архив А.П. Банникова.

³⁶ Зильберштейн И.С. Дело жизни. Лучшая зарубежная коллекция русского театрально-декорационного искусства. С.9.

безопасности СССР

25.05.83 № 4/ПБ-1025

Уважаемый Анатолий Владимирович!

Возвращаем Вам статью И.С. Зильберштейна «Шедевры отечественной культуры».

Популяризацию Лобанова-Ростовского Н.Д. и его коллекции в советской печати считаем нецелесообразным.

По нашему мнению, статья оставляет впечатление саморекламы автора и написана с объективистских позиций.

Приложение: статья на четырех листах, только адресату.

Начальник Пресс-бюро КГБ СССР

Тов. Софонову А.В.

Я.П. Киселев.

Но И.С. Зильберштейн продолжал настойчиво доказывать, что его статья, кроме возвеличивания русской культуры, ничего иного не содержит. Какие еще приводил он доводы – его тайна. Наконец от КГБ последовало разрешение:

КОМИТЕТ

Государственной
безопасности СССР

27.08.83 № 4/ПБ-1602

Для служебного пользования

Главному редактору журнала «Огонек»

Тов. Софонову А.В.

Уважаемый Анатолий Владимирович!

Согласно договоренности, направляем Вам письмо доктора искусствоведения Зильберштейна И.С., полученное от него 16 августа с.г. во время встречи в Пресс-бюро.

Возражений против публикации, касающейся КГБ СССР, не имеется.

Приложение: статья на четырех листах, несекретно.

Начальник Пресс-бюро КГБ СССР Я.П. Киселев.

С момента выдачи разрешения прошло много времени, пока статья была опубликована в двух номерах «Огонька» (№ 36, 37 за 1986 год). Вероятно, Софонов был загружен «плановыми» материалами КГБ, что на опубликование статьи И.С. Зильберштейна потребовалось более двух лет, причем, «Огонек» на своей обложке озаглавил материалы так: «Неизвестная живопись Бакста, Бенуа, Натальи Гончаровой», «забыв» указать, что эта «неизвестная живопись» давно известна всему миру стараниями Н.Д. Лобанова³⁷.

Когда настала перестройка, Никита Дмитриевич через журналистов, на основании письма бывшего сотрудника «Огонька», так объяснял

³⁷ Зильберштейн И.С. Дело жизни. Лучшая зарубежная коллекция русского театрально-декорационного искусства // Огонек, 1986, № 36.

случившееся: «То, что когда-то завернули статью Зильбера, меня нисколько не удивляет. Собственно, иначе и быть не могло в то время. Рассказывается о коллекции „беляка“, у которого отец „беляк“ был даже репрессирован и пропал без вести в наших или болгарских (но тоже наших) лагерях. А мы его коллекцию будем пропагандировать, всякие там авангардистские штучки. Это сейчас все дозволено. А тогда бдили будь здоров как! Единственно, чему я порадовался, что Софонов (человек, довольно трусливый, несмотря на его лично хорошие отношения с начальством из органов), наверное, наложил крепко в штаны, получив такой ответ»³⁸. Многое потом еще козней и препятствий со стороны КГБ встречал Никита Дмитриевич, но красота подлинного искусства прорвала все препоны. С 1984 г. началось триумфальное шествие собрания Н.Д. Лобанова в СССР, а затем и в России.

Передо мной лежат два огромных тома, посвященных коллекции Никиты и Нины Лобановых-Ростовских (М., 1990, 1994). Я погружаюсь в волшебный мир театра и, кажется, никогда не возвращусь из него. В каталоге-резоне (2-й том) подробнейшим образом описаны и сфотографированы все 1026 работ, составляющих собрание Лобановых. В действительности их было больше на 475 работ, но они подарены музеям мира, в основном американским, и в описание не вошли.

После 1994 г., когда был издан каталог-резоне, происходили щедрые дарения уже в российские музеи, о чем мы будем говорить далее. В это же время не прекращается приобретение новых шедевров театральной живописи. На сегодняшний день коллекция составляет примерно 1500 реликвий 150-ти мастеров. Точного количества не знает и сам хозяин. Я спросил Никиту Дмитриевича: «Сколько работ в собрании сегодня?», и он с улыбкой ответил: «Нужно посчитать...» Он затрудняется сказать, но точно знает: их около 1500.

Все 150 мастеров представляют явление чрезвычайное; все они вписали незабываемые страницы в историю отечественного театра. Мы не будем переписывать дивный каталог Джона Боулта, а выберем несколько имен, пользующихся огромными симпатиями владельца и автора. А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, А.А. Экстер, П.Ф. Челищев, Ю.П. Анненков... Художники эти выбраны произвольно, но они всемирно известны, глубоко почитаемы и внесли в театральную живопись неоценимый вклад, сделав ее равноправной составляющей музыки, танца, пения. С таким же успехом мы могли взять М.Ф. Андреенко-Нечитайло, М.В. Добужинского, Л.М. Эль-Лисицкого, К.С. Малевича, П.Н. Филонова и мн.др.

³⁸ Юниверг Л. Секретная коллекция русского князя // Ежегодник Российского Фонда Культуры. Ч. 1, 1988, январь–июнь. М., 1988. С. 146.

М.Ф. Андреенко,
Печальный клоун,
«Миллионы Арлекина»,
1921.

Расскажем несколько о методике приобретения картин, благо об этом чрезвычайно интересно и подробно говорил в своих публикациях Никита Дмитриевич. Он никогда не приобретал живопись через посредников, перекупщиков и крайне редко, в последние годы, когда позволяли средства, – через магазины или аукционы. Основные покупки делались через родственников, друзей, знакомых, знакомых знакомых, жен, любовниц художников. Не исключен был и элемент случайности, который всегда в таких поисках играет важную роль.

Никита Дмитриевич был дружен с многочисленными французскими и американскими продавцами, торговыми искусством. Это были, в основной массе, русские эмигранты. Но ими двигала любовь к искусству, а

не барыш. Разные это были люди – от внимательных и доброжелательных, до грубо выгонявших безденежных покупателей. Но всех их Никита Дмитриевич любил и уважал, понимал их показную грубость, что, впрочем, было крайне редко. Плохие впечатления оставил один С.Л. Белиц, который посоветовал Никите Дмитриевичу приходить к нему, когда «появятся деньги».

<...>

АРХИВИСТ

С первых шагов собирательства Никита Дмитриевич увлекся архивным делом и исследованием искусства в области театрально-декорационной живописи. Можно сказать, что он успешно работал во всех трех направлениях. Конечно, наиболее ярким и глубоким душевным напряжением было коллекционирование, но параллельно с ним неразрывно шли и вышеуказанные поиски.

Вначале Никита Дмитриевич решил составить себе программу, по которой действовать было бы легко и целенаправленно. Такой программой послужил написанный им за два года довольно объемистый труд «Русские художники и театр» (1969). В ней он в краткой конспективной форме составил список всех русских художников периода 1880–1930-х годов, которые когда-либо работали в области сценографии, и составил в хронологическом порядке все спектакли, которые оформляли данные художники. Получилась очень нужная работа, которая и до сих пор не потеряла своего научного значения. Это была первая большая самостоятельная попытка каталогизировать коллекцию театральной живописи дилетанта, вскоре выросшего в крупного знатока и специалиста.

За ней последовали и другие работы, замечательно интересные и написанные на высшем научном уровне. Мы говорим здесь о «Вырванных из забвения», изданных впервые в 1994 г. в России в газете «Культура», где речь идет о русских художниках-эмигрантах первой волны.

Н. Лобанов и Н.А. Бенуа в мастерской художника, Милан, 1980

Н. Бенуа, Декор для пролога к «Сказке о царе Салтане», 1925

В 1994 г. Никита Дмитриевич, большой друг Николая Александровича Бенуа (1901–1988) и, вообще, всего клана Бенуа, включая Черкесовых, Серебряковых, Клеман и других, поднял в печати вопрос о публикации писем Н.А. Бенуа: «Сейчас я предложил Фонду культуры собрать письма Н. Бенуа – их очень много и у меня, и у других людей – и издать их. Очень хотелось бы, чтобы его бумаги не разлетелись по всему свету»³⁹. Насколько нам известно, дальше слов дела не пошли – никто не профинансировал это драгоценное начинание.

Несколько ранее, 15 ноября 1981 г. в Париже, состоялась беседа между Николаем Александровичем Бенуа, Джоном Боултом и Никитой Дмитриевичем Лобановым о художественном и литературном

наследстве семьи Бенуа. Разговор в основном шел о наследии Александра Николаевича (1870–1960), Николая Александровича Бенуа и Зинаиды Серебряковой (1884–1967). Главным образом – о так называемом «революционном архиве», т.е. о третьем томе «Моих воспоминаний» А.Н. Бенуа, изданных в России трижды, но без главной части – третьей. Это записи, касающиеся происходивших в России мерзостей, которыми были переполнены годы революции и гражданской войны. Конечно, даже мысль издать тогда третий том «Воспоминаний» была похоронена.

Тогда Н.Д. Лобанов предложил Джону Боулту подготовить третий том к публикации и положить этот том в банк на 20 лет – и когда придет время – он был бы готов к изданию. Важное препятствие состояло еще в том, что А.Н. Бенуа, сливший просоветски настроенным человеком, в итоге оказывался критиком Ленина, Луначарского, Горького и других партийных бонз, под руководством которых громились музеи и частные

³⁹ Лобанов-Ростовский Н. Воспоминания о русских художниках за рубежом // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1994. Т. XXVI. С. 74.

коллекции и продавались за бесценок шедевры мирового искусства на заграничных аукционах для победы мировой революции и финансирования III Интернационала, а не для снабжения голодающих, как об этом везде заявляла советская власть. Дневник мог бросить тень и на ни в чем не повинных детей Александра Николаевича.

Кроме дневника, у А.Н. Бенуа образовалась огромная переписка. В ней также было много политически неприятных сведений для СССР. Совершенно правильно решили люди, обсуждавшие эту проблему, что данные сведения нельзя публиковать, потому что материалы всех бы скомпрометировали.

Часть рисунков и акварелей (за исключением третьего тома «Воспоминаний») решили передать в архив Русского музея. Беда еще заключалась и в том, что А.Н. Бенуа не оставил завещания и потому на этом совете семью Бенуа представлял Николай Александрович. Третий том мемуаров по просьбе Н.Д. Лобанова Анна Александровна Черкесова (дочь А.Н. Бенуа) передала Институту современной русской культуры в Лос-Анджелесе. Кто мог подумать, что в России произойдут – и так быстро – столь радикальные перемены? ⁴⁰

В настоящее время судьба парижского живописного и литературного наследия семьи Бенуа такова. Еще в 1967 г. в Париже, а переговоры начались значительно раньше – в 1963 г., к дочери Александра Николаевича Анне Александровне Черкесовой-Бенуа от Министерства культуры СССР был командирован директор Русского музея Василий Алексеевич Пушкирев. Цель его визита – приобрести архивы А.Н. Бенуа для музея. В.А. Пушкирев свидетельствует: «Наибольший интерес представляли, конечно, дневники художника, охватывающие период с 1925 (они описывали события с 1917 года! – А.Б.) по 1960 год. <...> Анна Александровна не согласилась передать архив в неразобранном виде, … письма или другие материалы, в частности, записи в дневниках, публикация которых не может быть осуществлена раньше определенного срока (25–50 лет после смерти лиц, упомянутых в дневниках), другие материалы, в том числе и подлежащие уничтожению…»⁴¹. Итого, в Париже осталось примерно 4/5 архива, не считая вывезенного В.А. Пушкиревым.

В 1969 г. часть архива была передана в Русский музей – 240 рисунков и 180 акварелей. О получении литературного архива В.А. Пушкирев не упоминает, вероятно, он не был продан в Россию, так как в 1981 г. о нем говорят Н.А. Бенуа, Н.Д. Лобанов и Д. Боулт⁴².

⁴⁰ Лобанов Н. Судьба – Коллекция – Россия // Новый журнал, Нью-Йорк, 2000, декабрь, № 221. С. 155–163; Лобанов-Ростовский Н.Д. Воспоминания собирателя // Художники русского театра. 1880–1930. Каталог-резоне. М., 1994. С. 361.

⁴¹ Пушкирев В. Мои командировки в Париж. Архив Александра Бенуа // Наше наследие, 1995, № 34. С. 75–77.

⁴² Лобанов Н. Судьба – Коллекция – Россия. С. 155–156.

З. Серебрякова, В балетной уборной, «Снежинки» для «Щелкунчика», 1905

З. Серебрякова, Автопортрет, 1925

Серебрякову, как художника, за пределами Парижа не знали и включение в каталог этой всемирно известной фирмы было бы прекрасной рекламой мастера, ибо он рассыпается во все библиотеки мира. Но это не было сделано.

Никита Дмитриевич настаивал на этом, предварительно купив у Екатерины Борисовны пять работ ее матери: «Автопортрет с палитрой» (масло, 1925); портрет А.Н. Бенуа (пастель, 1955); портрет сына художницы (масло, 1935); портрет балерины А.Д. Даниловой (пастель, 1925) и портрет Ю.Ю. Черкесова (пастель, 1939). (Эти произведения перечислены в каталоге-резоне Д. Боулта под № 772–776. В дальнейшем ссылка дается только на № 9 этого издания.)

В то время предложение Никиты Дмитриевича по ряду причин не было реализовано. И только в 2001 г. выставленные на «Сотбис» семь работ З. Е. Серебряковой произвели всемирный фурор. Так, картина «Русская баня»

В настоящее время дела с третьим томом «Моих воспоминаний» (другое название «Революционный дневник») обстоят так. После 20 лет хранения в банке, Д. Боулт забрал «Дневник», и Никита Дмитриевич передал его в московское издательство. В письме к А.П. Банникову от 9.04.02 он с горечью сообщает: «„Революционный дневник“ лежит уже четыре года у Москвина в издательстве в Москве. Он все откладывает его публикацию. Но за наличные печатает сразу же иных авторов. Таковы реалии в Фонде Солженицына»⁴³.

Серьезный разговор состоялся и о наследии Зинаиды Серебряковой. Она много, интенсивно и плодотворно работала в эмиграции. После ее смерти осталось несколько сот картин, тысячи рисунков, акварелей, гуашей, набросков. Я уже писал, что Катя, ее дочь, обращалась в 1990-е годы к Правительству России, чтобы оно организовало в Москве (а лучше – в Санкт-Петербурге) музей Серебряковой, а она бесплатно снабдит его экспонатами. Но помещения не выделили, и теперь Катя в Париже образовала Фонд Серебряковой, который многогранно будет популяризировать семейное неоценимое наследие.

В 1981 г. Н.Д. Лобанов предложил несколько ее работ передать в Лондон на аукцион «Сотбис».

⁴³ Письмо Н.Д. Лобанова А.П. Банникову от 9.04.2002 // Архив А.П. Банникова.

(1926) была продана за очень высокую цену – 626 тысяч долларов. Это истинная стоимость работ З. Серебряковой, не заниженная и не завышенная.

Л. Бакст. Костюм для
Иды Рубинштейн в балете
«Св. Себастьян», 1911

Настоящая цена! Если бы Зинаида Серебрякова дожила до этого события, она была бы счастлива. В будущем аукционисты рассчитывают на еще более высокие цены.

Далее разговор коснулся Иды Рубинштейн, ее неописуемой красоты, последних работ Пикассо и, наконец, по-дружески оценили личность Никиты Дмитриевича. Н.А. Бенуа очень высокоставил Н.Д. Лобанова как собирателя и подчеркнул, что театральная живопись имеет самодовлеющее значение и большую ценность. «...Из каких пучин идет его род! Это связывало его с Щукиными, Морозовыми, Дягилевым, с людьми, которые действительно творили». Этими словами Н.А. Бенуа и закончил разговор.

Никита Дмитриевич во все периоды собирали многое, относящееся к искусству избранной им эпохи. Сюда включались портреты и автопортреты театральных художников, их

письма, дневники и воспоминания, гравюры на темы театра, произведения полиграфии, тиражированные пошуары, редкие книги, каталоги выставок и продаж и мн.др. Когда этих «попутных материалов» становилось очень много, и они начинали теснить основную коллекцию, он передавал их в музеи или архивы. Такое крупнейшее дарение было произведено в 1981 г. Центральному архиву литературы и искусства. Мы имеем описание личного фонда № 2712 (425 ед. хр.), переданного Н.Д. Лобановым в ЦГАЛИ, и предоставляем читателю самому определить ценность подаренного.

Во-первых, письма Н.Д. Лобанова-Ростовского к Н.А. Бенуа, А.А. Евреиновой, А.А. Черкесовой и другим, всего 17 адресатов.

Во-вторых, письма к Н.Д. Лобанову-Ростовскому от М.Ф. Андреенко, Н.А. Бенуа, Е.Г. Бермана, Джона Боулта, А.А. Евреиновой, Л.В. Зака, И.С. Зильберштейна, Е.Е. Климова, Г.Д. Пожедаева, Н.В. Ремизова, Е.Е. Черкесовой, всего 49 корреспондентов.

В-третьих, материалы к биографии Н.Д. Лобанова-Ростовского за период 1964–1979 гг.; его фотографии 1960-х годов, фото Л.В. Зака (1960), фото сцен и действующих лиц из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» (постановка в театре «Ла Скала», в декорациях и костюмах Н.А. Бенуа (1929).

В-четвертых, дублетные экземпляры коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского.

В-пятых, рукописи: статьи Ю.П. Анненкова (1966, 1967), «Список театральных работ» (1968) Н.А. Бенуа и печатные оттиски почти всех рассказов К.А. Коровина, которые И.С. Зильберштейн включил в книгу «Константин Коровин вспоминает...» (первое издание, 1971).

М. Ларионов. Эскиз костюма Купца, «Шут», 1921

В-шестых, письма Н.Ф. Андреенко – В.А. Издебскому, В.А. Карагыгина – В.М. Строеву, И.Д. Нерадовского – Н.И. Соколову, А.М. Ремизова – Е.Н. Розен, А.А. Экстер – В.А. Издебскому, И.Г. Эренбурга – Г. Издебской.

В-седьмых, каталоги выставок, списки работ, биографии, статьи о творчестве: Б.И. Анисфельда, Ю.П. Анненкова, Л.С. Бакста, А.Н. Бенуа, Е.Г. Бермана, Б.К. Билинского, М.В. Добужинского, К.А. Коровина, М.Ф. Ларионова, С.Ю. Судейкина, Р.Р. Фалька, П.Ф. Челищева, А.А. Экстер и др.

Были широко представлены каталоги выставок произведений русского искусства в Англии, Норвегии, США в 1935–1971 гг., а также программы спектаклей и концертов русских деятелей культуры и выступлений русской балетной труппы в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и других городах за период 1934–1969 гг.

Особую редкость представляли ранее не опубликованные рисунки М.В. Добужинского: пейзаж с женской фигурой – гравюра с подписью автора с дарственной надписью В.Н. Немчиновой (1923). Интересные работы: Б.М. Золотарев – портреты (1920), И. Селезнев – портрет В.А. Карагыгина (литография, 1838), Н.И. Селезнев – портрет И.В. Волковского (1860).

Многочисленную группу изобразительных материалов составляли слайды и фотокопии рисунков русских художников. Это были высококачественные портреты: А.М. Арнштам – И.М. Москвина; Л.С. Бакст – В.Н. Аргутинского-Долгорукова (1923); А.Н. Бенуа – М.В. Добужинского, И.Ф. Стравинского, С.А. Есенина (1915), В.Н. Аргутинского-Долгорукова, Н.Н. Черепнина; Н.А. Бенуа – Ф.И. Шаляпина, Н.Д. Лобанова-Ростовского (1969); С.Г. Верейский – К.А. Сомова; М.В. Добужинский – А.Н. Бенуа, Н.М. Зверева; М.Ф. Ларионов – Н.С. Гончаровой, В.Е. Татлина, С.П. Дягилева; С.Ю. Судейкин – В.А. Шиллинг (вторая жена Судейкина. Очаровательная акварель, часто воспроизводимая в изданиях по театру); С.В. Чехонин – В.Н. Немчиновой, К.И. Чуковского.

Самым большим и объемистым разделом был эскизы грима, костюмов и декораций к спектаклям: М.Ф. Андреенко «Миллионы Арлекина» – 4 единицы, «Царь Федор Иванович» – 8; Б.И. Анисфельд «Снегурочка»; Ю.П. Анненков «Первый винокур» и «Штурм Зимнего Дворца» – 3; Л.С. Бакст «Сердце маркизы» – 4, «Мефистофель – 2, «Клеопатра» – 2,

«Шехеразада» – 3, «Видение розы», «Святой Себастьян» – 6, «Дафнис и Хлоя» – 2, «Елена Спартанская» – 2, «Пизанелло» – 5, «Орфей», «Триумф Артемиды», «Федра» – 8.

К. Сомов, Эскиз костюма Колумбины для Анны Павловой, 1909

Н.А. Бенуа был представлен следующими постановками: «Павильон Армиды» – 18, «Борис Годунов» – 8, «Жизель» – 21, «Петрушка» – 112, (1911–1956); «Соловей» – 3, «Дама с камелиями» (1923), «Лекарь поневоле» – 4, «Золотой петушок» – 5, «Садко» – 13, «Мещанин во дворянстве» – 4, «Щелкунчик» – 25; Елена Н. Бенуа: «Князь Игорь» – 2; Н.А. Бенуа – «Любовь по чинам» – 5, «Сказка о царе Салтане» – 4, «Князь Игорь» – 2, «Оберон» – 2, «Петя и волк» – 12, «Мефистофель», «Сон в летнюю ночь», «Дубровский» – 3.

В.Г. Бехтеев – эскизы для костюмов Госцирка; И.Я. Билибин – «Царь Салтан», «Сказание о невидимом граде Китеже» – 4; Б.К. Билинский – «Шехеразада», «Половецкие пляски», «Царевна-лебедь» и другие – 27; А.А. Веснин – «Федра»; М.А. Врубель – эскиз костюма для Н.И. Забелы-Врубель (1895); А.Я. Головин – «Дочь моря», «Жар-птица», «Орфей» – 4; Н.С. Гончарова – «Испания», «Болеро», «Литургия», «Спящая красавица», «Жар-птица» и др. – 23; М.В. Добужинский – «Месяц в деревне» – 2, «Раймонда», «Спящая красавица», «Арлекинада», «Лебединое озеро» – 2, «Мадемуазель Анго» – 3, «Хованщина» – 3, «Коппелия» – 3.

Алексей Константинович Коровин был показан опусами всего к одному спектаклю – «Сказание о невидимом граде Китеже» – 19 работ, а вот его отец Константин Алексеевич был широко и полно представлен эскизами к своим блестящим постановкам: «Сказание о невидимом граде Китеже», «Князь Игорь» – 18, «Садко», «Снегурочка» – 116; Б.М. Кустодиев – «Не было ни гроша, да вдруг алтын»; М.Ф. Ларионов – «Натуральные истории» – 5, «Ночное солнце», «Шут» – 2, «Лис» – 4; А.В. Лентулов – эскизы декораций к неизвестным постановкам – 2; Эль Лисицкий – «Победа над Солнцем» – 4; К.С. Малевич – «Победа над Солнцем» – 15; В.И. Мухина – «Ужин шуток» (1916); Л.С. Попова – «Сказка о попе и его работнике Балде» – 4 (1919), «Канцлер и слесарь» – 2 (1921); Н.В. Ремизов – «Заря-заряница» – 2 (1921–1923), «Московские невесты» – 3 (1923); Н.К. Рерих – «Псковитянка» (1909), «Весна Священная» (1913), «Сказка о царе Салтане» – 9 (1919), «Снегурочка» – 3 (1921); А.М. Родченко – «Клоп» – 2 (1929), «Шестая часть мира» (1931); Н.Н. Сапунов – «Мещанин во дворянстве» (1911); В.А. Серов – «Юдифь» – 6 (1909); К.А. Сомов – эскизы занавеса для свободного театра в Москве (1913); В.А. и Г.А.

H. Рерих. Эскиз костюма деревенской девушки, балет «Снегурочка», 1921

Стенберги – «Федра» – 8 (1922–1923); С.Ю. Судейкин – «Саломея» – 2 (1913), «Петрушка» – 37 (1925), «Соловей» – 3 (1926); В.Е. Татлин – «Иван Сусанин» – 2 (1913); А.Г. Тышлер – «Двенадцатая ночь» – 2 (1951); Ф.Ф. Федоровский – «Хованщина» – 2 (1913); В.М. Ходасевич – «Летающий лекарь» (1921); П.Ф. Челищев – эскизы костюмов для актеров балета – 22 (1919–1922), «Савонарола» – 5 (1929); С.В. Чехонин – «В 1825 г.» – 2 (1925), «Фарфор Попова» – 13 (1927), «Руслан и Людмила» – 11 (1929), «Снегурочка» – 6 (1930); М.З. Шагал – «Алеко» (1942); А.К. Шервашидзе – «Веселая смерть» – 2 (1919–1922); С.М. Эйзенштейн – к фильму «Иван Грозный» – 2 (1942); А.А. Экстер – эскизы костюмов и декораций – 45 (1921–1930); Б.Р. Эрдман – эскиз костюма для цирка (1921); К.Ф. Юон – «Борис Годунов» – 4 (1908–1910); А.Б. Яковлев – «Семирамида» – 2 (1934); Г.Б. Якулов «Синьор Формика» (1922), «Стальной скок» – 4 (1927)⁴⁴. Эти дарения составили бы основу любого, средней величины, частного музея, но Никита Дмитриевич решил по-своему – подарить Российскому Государству.

A. Экстер. Оперетта (действие происходит на пяти помостках), 1925

вызванная затрудненным материальным положением.

С самых ранних приобретений (1959) Никита Дмитриевич фундаментально интересовался жизнью и творчеством театральных художников не только в России, но и вне ее. Кроме работы «Русские

Еще раньше он также дарил РГАЛИ (ЦГАЛИ) интереснейшие реликвии: 7 тетрадей-дневников А.В. Яковлева, письма С.М. Лиссима к А.А. Экстер и кое-что другое, относящее к истории искусств. Все эти раритеты Никита Дмитриевич отдавал архиву бесплатно, за исключением «Дневников» С.Ю. Судейкина, проданных за 14000 рублей. Это была единственная продажа,

⁴⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Путеводитель. Вып. 7. Фонды, поступившие в РГАЛИ в 1984–1992 гг. Лобанов-Ростовский Н.Д. М., 1998. С. 152–155.

художники и театр» (1969), им написано много очерков по теории и истории театрально-декорационного искусства. Перечислим наиболее интересные и объемные из них, внесшие яркий вклад в изучение русской сценографии.

*Н. Калмаков.
Автопортрет, Париж,
1929*

Наиболее полной, увлекательной и необъятной следует назвать статью «Вырванные из забвения» (Культура, 1994, № 28–30), монографические публикации о Николае Калмакове, Павле Челищеве, Владимире Жедринском, Александре Экстер, Дмитрии Бушене, Любови Поповой; масса статей о А.Н. Бенуа и членах его семьи. Особо стоят и ценятся публикации о коллекционерах: А.Н. Демидове (кн. Сан-Донато), Георгии Дионисовиче Костаки (Костакисе) и Юрии Рябове. Никитой Дмитриевичем опубликовано множество интервью о своей полной приключений жизни, антикварных продажах, алмазах, «золоте партии» КПСС и т.д.

Всего Никитой Дмитриевичем написано на 1 июля 2002 г. более 300 статей, включая сюда небольшую часть на болгарском языке. Он печатается всюду, не делает исключения для русскоязычных газет, печатных органов Англии, США, Италии. Если собрать все эти замечательные публикации, получился бы прекрасный пятитомник, занявший достойное место в библиографии по искусству, истории замечательной и необыкновенной жизни Н.Д. Лобанова. В необъятном океане русских архивов щедрые вклады Никиты Дмитриевича никогда не затеряются, так как они составляют весомую по значению часть русской культуры.

Выставки, выставки, выставки...

Начиналось все так. Когда собрание Никиты Дмитриевича приобрело значительные размеры (это произошло в 1965 г., коллекция насчитывала тогда 500 работ), он решил популяризировать русскую театральную живопись. Лучше выставок ничего придумать было нельзя, тем более, что художников русской сценографии в Америке в то время не знали. Любовь к выставкам Никита Дмитриевич сохранил и по сей день. Он охотно везет свою коллекцию во все уголки мира, мало кому отказывая.

Шел 1965 год. Балетный центр Ребекки Харкнесс в Нью-Йорке обратился к Н.Д. Лобанову и Ю.В. Рябову с просьбой помочь им устроить выставку русской театральной живописи. Н.Д. Лобанов выделил 46 работ, чуть меньше Ю.В. Рябов. Вернисаж состоялся в феврале 1966 г. К открытию выставки вышел маленький каталог с вступительной статьей критика В.К. Завалишина. В экспозиции преобладали работы мастеров «Мира искусства»: А.Н. Бенуа, М.В. Добужинского, Б.И. Анисфельда, К.А.

Коровина и др. Выставка получила хорошую прессу и вдохновила Никиту Дмитриевича на последующие аналогичные мероприятия. Здесь важно отметить следующее: к 1965 г. собрание Н.Д. Лобанова определилось в своей основе, сердцевину его составляли художники «Мира искусства».

А. Бенуа. Эскиз костюма
Извозчика, переодетого в
кормилицу, «Петрушка», 1911

В 1967 г. куратор отдела эстампов музея Метрополитен (Нью-Йорк) Джон Мак-Кенди, знакомый Н.Д. Лобанова, предложил ему попечительство над выставкой «Декорации и костюмы русских художников к балетным, оперным и театральным спектаклям». Сами Лобановы представили на ней 105 работ. К выставке был составлен прекрасно оформленный каталог (120 иллюстраций), вступительную статью написал знаменитый театральный художник Ю.П. Анненков. В статье вкратце изложена вся история европейской сценографии. Выпустил каталог Интернациональный выставочный фонд (Вашингтон), он же и перевозил картины в период 1967–1969 гг. по 12 городам США.

Коллекции на выставку представили, кроме Никиты Дмитриевича, Юрий Рябов и театральный художник, американец Дональд Онслагер.

В целом, выставка в музее Метрополитен получила очень хорошие отзывы. Как пример приведем опубликованную в газете «Русская мысль» (от 21.04.1967) В.К. Завалишиным оценку:

«В ней (выставке) какой-то ошеломляющей вереницей проходят плоды творчества русских художников, почти всегда знаменитых, всегда талантливых. Причем, это, главным образом, те, которые работали за границей (хотя их творчество и зародилось в России)».

Период с 1972 по 1976 г. был максимально насыщен выставочной деятельностью. В 1972 г. представлено 110 работ из собрания Никиты Дмитриевича, в 1976 г. – 127. За четыре года выставка обхехала 14 музеев Америки и Канады. И везде – ошеломляющий успех.

В 1977 г. Музеем искусств Техасского университета в городе Остин (Техас) была показана блестящая выставка «Русские художники и сценография. 1884–1965». На ней экспонировались театральная живопись из собрания Н.Д. Лобанова и костюмы из университетского музея.

Выставка «Малевич. Бес предметный мир» (1980), устроенная в художественном музее города Джексон (Миссисипи), также состояла из двух разделов – сценических рисунков коллекции Никиты Дмитриевича и костюмов. Костюмы выделил художественный музей штата Миссисипи.

После этой выставки через два года в городе Джексон состоялась еще одна экспозиция; ее программа была значительно шире и означена так:

«Русская сценография. Сценическое новаторство 1900–1930», на которой было представлено 275 работ. Миссисипский музей искусств издал очень красивый каталог в желтой обложке, в котором были описаны и сфотографированы все работы. На обложке его изображена сцена оформления ревю работы А.А. Экстер 1925 года (№ 982).

Джон Боулт, 2017 г.

В 1970 г. в дом Н.Д. Лобанова в Нью-Йорке пришел искусствовед Джон Боулт, работавший на кафедре Лос-Анджелесского университета. Они подружились, и с тех пор Д. Боулт становится ближайшим другом Никиты Дмитриевича. Много сил и знаний он отдал собранию Лобанова. В 1982 г. Д. Боулт издал каталог его коллекции на английском языке. Читатель получил

два огромных тома издания (один – каталог, второй – альбом, в котором кратко изложена история русской сценографии). Исследования продолжаются и теперь – Д. Боулт составляет двухтомный исправленный, расширенный и дополненный каталог Лобановской коллекции. Вот что сказал Н.Д. Лобанов в беседе с Д. Боултом: «...Целью приобретения этих работ была популяризация творчества русских театральных художников за пределами Советского Союза. Как мне кажется, этой цели я достиг: после устроенных мной в 1966 г. выставок в Нью-Йоркской галерее „Харкнесс Хаус“ и в „Метрополитен музее“, не проходило и года, чтобы в каком-либо из музеев Соединенных Штатов, Канады, Западной Европы не экспонировались работы из нашей коллекции»⁴⁵. После успеха Джаксоновской выставки Никита Дмитриевич начал серьезно думать о России, но двери в нее были еще крепко закрыты.

В 1984 г. в связи с 50-летием установления дипломатических отношений между США и СССР, американский посол в Москве Артур Хартман решил устроить выставку коллекции Н.Д. Лобанова в посольстве. В свою резиденцию в Спасо-Хаузе он пригласил на vernisаж супругов Нину и Никиту Лобановых для проживания. Но КГБ отказал в визе, vernisаж прошел без них. Пришлось брать туристическую путевку, а после делать второй vernisаж. Первая выставка в России была маленькой – всего 50 работ, но она пробила дорогу второй большой фундаментальной экспозиции, до нее было еще четыре года. Выставка состоялась с 4 марта по 6 мая 1984 г. в здании резиденции посла США в Москве.

На открытии выставки 4 марта 1984 г. американский посол Артур Хартман сказал:

«Мы счастливы приветствовать всех вас здесь сегодня, и нам особенно

⁴⁵ Щеглова Н. Сохранить для потомков. М., 1988. С. 116–118.

приятно то, что вы сумели найти время, несмотря на Выборы и Масленицу. Это необычная выставка, в том смысле, что наша основная задача – представлять достижения американской культуры. Сегодня же мы открываем выставку, в которой чествуем гражданина Соединенных Штатов, собравшего и сохранившего великолепное наследие одного из замечательных периодов русской культуры. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский с гордостью носит одно из стариннейших русских имен. Большую часть своей жизни он отдал сохранению произведений искусства, что уже само по себе – одна из благородных русских культурных традиций.

Мы надеялись, что он сможет быть с нами сегодня вечером, на открытии выставки, но, к сожалению, ввиду некоторых обстоятельств этого не произошло.

Никита Лобанов-Ростовский и его жена Нина знают, что русская культура не замыкается в пределах государственной границы, в особенности в двадцатом столетии. И они искали проявления русского художественного гения, и, где бы они ни жили, их поиск оказал серьезное влияние на мировую культуру в целом.

То, что мы показываем сегодня, – это только малая часть того, что собрал Никита Лобанов-Ростовский. Здесь два каталога всей коллекции, с которыми вы можете ознакомиться.

Мы надеемся, что в недалеком будущем все собрание будет показано в советских музеях, и посетители смогут разделить с нами наслаждение работами того поколения русских художников, которое подарило миру так много прекрасного.

Вы можете приступить к осмотру, но прежде, давайте поднимем бокалы за здоровье Нины и Никиты Дмитриевича Лобановых-Ростовских в знак нашей признательности не только за сегодняшний вечер, но и за все то, что они сделали для сохранения этих свидетельств творческого вдохновения».

Джон Боулт писал в брошюре, посвященной этой выставке: «Собрание Лобанова стало своеобразным хранилищем многих культурных ценностей, спасенных им от неминуемого разрушения и забвения. Эрудиция и энтузиазм супругов Лобановых-Ростовских вывели из забвения многие имена художников и их достижения. Только фанатическая преданность делу сохранения памятников русского искусства, страстная любовь к нему могли вдохновить на такое трудное дело, как создание этой уникальной коллекции. Лобанов-Ростовский совершил поистине гражданский подвиг, сумев собрать уникальные произведения русского театрального искусства и возведя таким образом еще один памятник русской культуре».

Первого апреля 1984 г. в «Новом русском слове» появилась обстоятельная статья К. Андреева. В ней он, давая общую оценку собрания, говорит: «Собрание Лобановых-Ростовских не только

уникально. Это еще и трудное собрание, и я не завидую Никите Лобанову. Много проще собирать «измы». В основном для этого нужны деньги и тщеславие... Коллекция Лобановых-Ростовских – это изрядный кусок истории России. Серебряный век, Революция, Конструктивизм, ностальгия...

Тщательно подобранные иллюстрации к трудному двадцатому веку. Наверное, есть правда в этом выражении – „Театр – зеркало жизни“... Нет ни малейшего сомнения в том, что работы из собрания Лобанова-Ростовского будут волновать и восхищать их (следующие поколения зрителей. – А.Б.) также, как они волнуют и восхищают нас сегодня. У собрания Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского один бог – это Аполлон».

На выставке были показаны лучшие произведения коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских: Л.С. Бакст – эскиз к «Баядерке», А.Н. Бенуа – к «Мандарину», Н.А. Бенуа – пролог к опере «Царь Салтан», М.В. Добужинский – «Человек-оркестр», А.А. Экстер – «Испанская пантомима», Н.С. Гончарова – эскиз к балету «Жар-птица», К.А. Коровин – к «Гвидону», М.Ф. Ларионов – эскиз к балету «Ночное солнце», М.А. Врубель – «Дама на котурнах» и др.

На открытие было приглашено более 200 человек – искусствоведов, художников, директоров музеев, драматургов, журналистов из Ленинграда, Киева, Тбилиси и других городов. Выставка пользовалась необыкновенным успехом. В память от нее осталась маленькая брошюра, написанная Джоном Боултом. А посол США А. Хартман говорил, что никогда ни на одном приеме у них не было столько посетителей.

После этой небольшой выставки Никита Дмитриевич ощущал настоятельную потребность показать свою коллекцию россиянам. Ему страстно захотелось поделиться своими работами с широкой публикой.

Советский Союз закономерно приближался к своему бесславному концу. Но позиции КПСС были еще сильны. В начале 1980-х годов Никита Дмитриевич мечтал показать лучшую и большую часть своей коллекции в Москве и начал переговоры с Генрихом Поповым – сотрудником Министерства культуры. Но проектируемую выставку объявили идеологической диверсией, и она не состоялась.

В 1985 г., с первыми робкими шагами перестройки, директор ГМИИ им. А.С. Пушкина Ирина Александровна Антонова предложила Никите Дмитриевичу показать его собрание в музее. Она сообщила Никите Дмитриевичу, что ему надо заручиться разрешением Министерства культуры. Н.Д. Лобанов написал письмо в Минкульт и в декабре получил от В.Н. Ерофеева (начальник управления внешних сношений Министерства культуры) ответ: «В ближайшие годы не представляется возможным организовать экспонирование предлагаемой Вами выставки, так как экспозиционные залы и музеи планируют выставки в своих

помещениях за несколько лет».

Н. Лобанов, В.А. Пушкиров и Грегори Гуров, атташе по культуре, на приеме в резиденции посла США по случаю открытия выставки собрания Лобановых. Москва. 1984

заязку».

Советский атташе показал бумаги послу А.Ф. Добрынину и тот написал на письме: «Поддерживаю идею показа собрания Лобановых-Ростовских в СССР». К сожалению, все хлопоты оказались безрезультатны. Выставка не состоялась ни в 1986, ни в 1987 г. Слишком велико было сопротивление хозяев Союза.

В 1986 г. в Советском Союзе был образован Фонд культуры, как бы в противовес Министерству культуры. Возглавил его академик Д.С. Лихачев, первым заместителем назначен в целях партийного контроля за деятельностью Фонда – Георг Мясников, бывший первый секретарь Пензенского обкома. Он был доверенным лицом Раисы Максимовны Горбачевой, которая тоже входила в президиум Фонда. Г.В. Мясников был в Фонде случайным человеком, партийным функционером старой закалки. Его дневники, опубликованные журналом «Наше наследие» (2001, № 59–60. С. 82–88), говорят об этом достаточно убедительно. О методах и стиле его работы подтверждает случай, произошедший с Никитой Дмитриевичем.

В начале 1987 г. Н.Д. Лобанова пригласил в свой дом Илья Самойлович Зильберштейн. Илья Самойлович предупредил Никиту Дмитриевича, что у него будет Г.В. Мясников и можно договориться о выставке. Как выяснилось, Мясников хотел устроить Лобановскую экспозицию потому, что устав Фонда способствовал возврату утраченных культурных ценностей на родину. Случай с собранием Никиты Дмитриевича как нельзя лучше подходил под один из пунктов устава. Через некоторое время согласие Н.Д. Лобанова получили. Выставка должна была проходить в Музее имени Пушкина. Никита Дмитриевич связался с директором ГМИИ госпожой И.А. Антоновой и занялся отбором 400 с лишним работ для

Никита Дмитриевич был огорчен такой отпиской и пожаловался в Госдепартаменте в Вашингтоне, в Отдел культуры, Грегу Гурову, помогавшему Лобанову в устройстве выставки в американском посольстве в Москве в марте-мае 1984 г. Гуров вручил жалобу Н.Д. Лобанова атташе по культуре советского посольства, сказав при этом: «Что-то у вас не в порядке в Министерстве культуры – ГМИИ предлагает Лобанову выставить свое собрание в залах музея, а Минкульт отвечает, что все музеи забиты выставками под

экспозиции. Он прибыл в Москву, пришел к Г.В. Мясникову и состоялся разговор, достойный Н.В. Гоголя в его «Записках сумасшедшего».

Г.В. Мясников, А.А. Мельников и Н. Лобанов на встрече в Министерстве культуры. Москва. 1987. Фото В. Некрасова

Никита Дмитриевич вспоминает:
«Мясников: „Почему Вы захотели со мной встретиться?“

Лобанов: „Вы же сами просили меня показать наше собрание в России. Я привез положительный ответ и страшно рад предстоящей выставке, так как раньше мне не удавалось добиться разрешения на ее проведение“.

И подвинул Мясникову злополучный ответ Минкульта 1985

года о „переполненности“ музеев, добавив, что приехал обсудить детали выставки.

Мясников: „Какой выставки?“

Лобанов: „Той, о которой Вы меня просили при Зильберштейне“.

Мясников: „Я Вас ни о чем не просил“.

Лобанов: „Дорогой, я понимаю, что Зильберштейна Вы можете прижать. Но со мной так не выйдет. К тому же, вот у меня письмо Антоновой на бланке Минкульта, где четко написано, что выставка состоится. Если же Вы ее запретите, то я знаю, где на Вас найти управу. Вам придется выплачивать мне значительную неустойку, так как налицо мой финансовый и моральный ущерб“.

Он побледнел. В зале был телефон, я набрал номер Антоновой и передал трубку Мясникову. И тут началась феноменальная перебранка. Перед всеми в зале!

Мясников ей говорит: „С какой стати Вы написали это письмо?“

Антонова: „Вы велели мне сделать это“.

Мясников: „Не может быть!“ И так далее.

Я слышал, как Антонова жестко противостояла этому советскому чиновнику. Мясникову пришлось проглотить все то, что произошло на публике. Для любого нормального человека это кончилось бы сердечным приступом. Он же реагировал так, словно такие ситуации были для него обыденными. Для меня же эта история выглядела не только отвратительной, но и совершенно сумасшедшей. Словно из другого мира...»⁴⁶

Выставка в ГМИИ была открыта 26 февраля 1988 г. На ней экспонировалось 401 произведение 92 художников (по каталогу). Советским Фондом культуры к открытию был издан каталог тиражом 30

⁴⁶ Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский. М., 2015. С. 291–295.

000 экземпляров. Каталог сопровождали обстоятельные и исчерпывающие статьи академика Д.В. Сарабьянова, Джона Боулта и интереснейшая публикация самого Никиты Дмитриевича «Коллекционирование русского театрального оформления».

Нина и Никита Лобановы у Музея личных коллекций. Москва. 1994

Д.В. Сарабьянов писал:
«Выставка русской сценографии 1880–1930-х годов не пройдет бесследно ни для зрителей, ни для историков искусства. Она дает возможность многое осмыслить и переосмыслить. Она открывает новые аспекты жизни русского искусства за границей.

Никита и Нина Лобановы охотно демонстрируют свою коллекцию на различных выставках в разных

странах. Эти произведения прекрасно представляют русскую художественную культуру одного из важнейших этапов ее развития. Собранные заботливыми и умелыми руками, они становятся своеобразными „полпредами“ русской живописи и русского театра в еще неосмысленной нами художественной среде западных стран. Временное возвращение на родную землю как бы придаст им новые силы для выполнения этой ответственной миссии»⁴⁷.

Джон Боулт отмечал: «Коллекция Никиты и Нины Лобановых-Ростовских – это колоссальный кладезь культурных ценностей. Благодаря знаниям и энтузиазму ее собирателей, многие художественные достижения были спасены от забвения, а, зачастую, и неизбежной гибели и заняли сейчас законное место в истории русской культуры. Только фанатическая преданность и страстная любовь к русскому искусству могли привести к созданию такой коллекции, которая, несмотря на увеличивающуюся конкуренцию и постоянно растущие цены, продолжает пополняться и расширяться»⁴⁸.

В названной выше публикации каталога Никита Дмитриевич говорил о «счастливейших моментах» своего собирательства, о двух людях, сыгравших большую роль в его коллекционировании. Первый – Альфред Барр, покойный первый директор Музея современного искусства в Нью-Йорке. Второй – доктор искусствоведения Джон Боулт. Обоим Н.Д. Лобанов благодарен всю жизнь.

На открытии выставки 26 февраля Никита Дмитриевич говорил о том,

⁴⁷ Сарабьянов Д.В. Русская живопись на театральной сцене // Русское театрально-декорационное искусство. 1880–1930. Из коллекции Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. Каталог выставки. М., 1988. С. 18.

⁴⁸ Боулт Д. О коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского // Там же. С. 20.

что русская театральная живопись – это национальное явление мирового порядка, что он очень рад именно этой выставке, устроенной на родине предков. Цель его жизни – чтобы за рубежом приняли бы русскую живопись в ряды мировой культуры. В заключение он горячо поблагодарил профессора И.С. Зильберштейна, директора ГМИИ госпожу И.А. Антонову и Фонд культуры за оказанное содействие в организации выставки.

Выставка пользовалась исключительным успехом. Сотни людей написали свои отзывы и пожелания. И все они были только положительны. Госпожа И. Вишнякова, учитель рисования и черчения из города Чебоксары, писала: «Выставка совершенно потрясающая, открывает для нас, советских людей, совершенно неизвестные страницы русского театрально-декорационного искусства. Ларионов, Гончарова, Экстер, Коровин, Рерих, Бакст – трудно даже перечислить все, что потрясло. Четыре часа я на выставке и жаль уходить. Большое спасибо супругам Лобановым-Ростовским за то, что они дали нам возможность прикоснуться к великому искусству наших соотечественников, за то, что собрали такую великолепную коллекцию. Спасибо сотрудникам музея, организовавшим замечательную экспозицию».

З. Мартин отметил: «Спасибо большое чете Лобановых-Ростовских за то, что мы могли посмотреть многое, от чего были отрезаны в 20–30-х годах и без чего наше знание русского искусства (а значит и русской истории) неполно. Отрадно, что и родившиеся за русским рубежом или увезенные туда родителями в раннем детстве, ощущают свои корни и тянутся к ним».

«Огромное наслаждение испытала, посмотрев выставку русского искусства из коллекции Лобановых-Ростовских. Спасибо владельцам и всем, кто принимал участие в ее организации. Остается только, расставаясь с выставкой, помечтать о том, чтобы хоть что-то (например, восхитительные работы Л. Бакста) каким-то чудом останется в России, где было создано. Быть может Лобановы последуют примеру многих коллекционеров, и в первую очередь И.С. Зильберштейна, передавших свои собрания в Музей личных коллекций? Хочется в это поверить! Еще раз спасибо!» – писала Т. Попова из Москвы.

«Ваше сиятельство! Древний род Лобановых-Ростовских дал России много выдающихся военных и политических деятелей (воевод, окольничих, министров и др.) Но, наверное, самую большую пользу для России принесли Вы, собрав столь прекрасную коллекцию произведений русского изобразительного искусства и знакомя с ней широкую мировую общественность, От всей души огромное Вам спасибо!» – писал М. Васильев.

В. Шверин оставил такую запись: «Это чудесная выставка! Вся сила русского гения проявлена здесь ярко и жизнерадостно. Спасибо!».

И, наконец, мы заключим отзывы восхищенных зрителей записью инженера И.А. Ясневича: «Выставка превосходна! Наконец-то мы видим то, что составляет гордость нашей культуры – произведения ее талантливейших представителей. Хорошо бы это послужило для музеиных администраторов призывом – извлечь из запасников «наших» Бакста, Гончарову, Судейкина, чтобы их произведения заняли достойное место в постоянных экспозициях, чтобы вкус молодежи, долгие годы искривлявшийся одними „передвижниками“, смог развиваться свободно, в ногу со временем. Еще раз спасибо!».

Закончим обзор отзывов глубокой по совершенству цитатой госпожи Фетисовой: «Выставка изумительная! Это чудо из чудес! Преогромное спасибо! Театрально-декорационное искусство – самое глубокое по содержанию и самое красивое по форме искусство из всех видов. Потрясает глубиной и красотой образов „Литургия“ Н. Гончаровой. Великолепно оформлен вход на выставку, благодаря творениям Бакста. С уважением и благодарностью всем-всем и, конечно, прежде всего, Н. Лобанову-Ростовскому, спасшему от гибели эти шедевры. Как нужны такие выставки по театрально-декорационному искусству и с более широкой пропагандой». Таких отзывов были сотни. Супруги Нина и Никита Лобановы были по праву горды успехом выставки и доброжелательностью прессы. Еще больший успех их ждал в Ленинграде.

Выставка открылась 3 апреля 1988 г. в Ленинградском Манеже, традиционном месте крупных экспозиций. Открыл ее академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, президент Фонда культуры СССР. Он кратко охарактеризовал место, занимаемое в мировой культуре русской театрально-декорационной живописью, и благородную роль собрания Лобановых-Ростовских в ее популяризации.

В ответном слове Никита Дмитриевич сказал: «...Из каких соображений мы собирали? Собирали мы коллекцию, чтобы, среди прочего – а) сберечь это достояние и б) показать его людям. ...За последние 25 лет, где бы мы ни жили, а именно, в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Париже или Лондоне, мы буквально „пробивали“ русскую культуру путем выставок нашего собрания. ...Наша цель – это чтобы за рубежом приняли русскую живопись в ряды мировой культуры, а здесь – показать творчество русских художников, которые работали вне СССР и мало знакомы на своей Родине».

После вернисажа Никиту Дмитриевича окружили многочисленные журналисты, и он долго отвечал на вопросы. На вопрос одного из них – почему собрание показывается в Советском Союзе – Никита Дмитриевич ответил: «Самые большие ценители театральной живописи живут именно в Советском Союзе. Да и сами зрители здесь больше понимают в этом искусстве, чем другие. Имея успех на Западе (что тоже очень важно, потому, что доказывает – наше собрание хорошего мирового уровня), нам

так хотелось проверить его и здесь. Это все равно, что приехать в Тулу со своим самоваром. Если на него обратят внимание – значит самовар действительно уникален...».

Высшее удовлетворение принесло Никите Дмитриевичу получение письма от Д.С. Лихачева 20 мая 1988 г. после закрытия выставки:

«Дорогой Никита Дмитриевич!

Прежде всего, хочу поздравить Вас и Вашу супругу с чрезвычайным успехом Вашей выставки в Манеже. Она закрылась, но явилась не просто большим событием в культурной жизни Ленинграда, но и поворотным пунктом в вопросе о русской живописи первой трети двадцатого века. По Ленинградскому телевидению (а его очень охотно смотрят по всей стране) был показан большой фильм о Вашей выставке в удобное для большинства вечернее время и в выходной день. В фильме очень много (впервые так много) говорилось о Малевиче, Баксте и пр. Давались очень доступные разъяснения их эстетических позиций и т.д. Это крайне важно в перестройке не только нашего мышления, но и нашего эстетического сознания. Таким образом, Вы – деятель перестройки. Поздравляю Вас. Дело перестройки и в области наших эстетических представлений крайне важное.

Я очень жалею, что не смог быть перед своим отъездом в Москву (и из-за этого отъезда) на Вашем вечере. Мне теперь стало как-то тяжело ездить. В Москве я чрезвычайно устал и вторично попал на Вашу выставку не сразу по возвращении. Но зато посмотрел все внимательно – не так, как в первый раз.

Я ездил на три дня в Хельсинки открывать выставку русского авангарда из частных коллекций. Она будет Копенгагене и в Осло. Если будет возможность, посмотрите ее. Каталог есть, отпечатан. Постараюсь его Вам достать через Фонд.

В Ленинграде наконец наступила весна. Мы будем жить на даче, но если нужно кому-то помочь (Вы писали мне в последнем письме), я постараюсь сделать – что могу, хотя с архивами мне трудновато справиться – там свои правила, которые тоже нуждаются в перестройке.

Будьте здоровы и счастливы, привет Вашей супруге.

Искренне Ваш

(Д. Лихачев)

20.05.1988»

Вообще был план устроить выставку в Эрмитаже. Имелась договоренность Никиты Дмитриевича с директором Эрмитажа Борисом Борисовичем Пиотровским, но что-то не заладилось, и на письмо Лобанова он не ответил. Тогда, будучи в Москве, Н.Д. Лобанов встретился с А.А. Сазоновым, работающим в Ленинградском отделении Фонда культуры, и он уговорил Никиту Дмитриевича показать выставку в Манеже, что по

советским понятиям было не дурно.

Коллекция экспонировалась уже 25 дней. А.А. Сазонов информировал Н.Д. Лобанова о ее успехах:

«Уважаемый Никита Дмитриевич,
Благодарим Вас за Ваши лестные отзывы об открытии выставки.

Нам очень приятно, что Вы не разочарованы. Позвольте отнести Вашу оценку нашего труда на общий счет Ленинградского отделения СФК. На 25 апреля выставку посетили 19883 человека за 19 рабочих дней. В среднем продается 400 каталогов в день. Постеров у нас осталось очень мало, т.к. они расклеивались на улицах, а из Москвы мы получили всего 250 экземпляров. Те постеры, которые остались в нашем распоряжении, мы предполагаем продать на аукционе через некоторое время.

Ваши интервью, точно в таком виде как они и записывались, были переданы по ТВ в программе „Открытая дверь“, и, „Ленинград“, „Монитор“. Кроме того, по ТВ были переданы сюжеты о выставке и с Вами в программе „Телекурьер“, „600 секунд“, „Пятое колесо“ (в последней программе о Вашей выставке совсем недавно дополнительно ко всему рассказывала наша популярная актриса Алла Демидова). Ваши комментарии относительно Эрмитажа прозвучали в программе „Открытая дверь“ (запись около дома Ваших предков) и после этого я в течение трех дней отвечал на телефонные звонки, т.к. Вы упомянули и мое имя. Я просил А. Накова передать Вам это. Также по ТВ шла реклама выставки. По радио была сделана 40–минутная передача о выставке, в которой использовались фрагменты Ваших статей, статей Боулта, мемуаров А. Бенуа и Фокина. Кроме того по радио шел сюжет по материалам пресс-конференции и реклама.»

Приведем еще один документ. Это письмо художника Сергея Чепика из Ленинграда. Он затронул тему творчества русских мастеров в зарубежье, которая весьма совпала с моими оценками, к которым я пришел, изучая парижский период Константина Коровина.

С. Чепик писал:

«Первое впечатление (я был на выставке несколько раз) – просто шок от изобилия первоклассной живописи! Обилие имен, зачастую просто неизвестных: Челищев, Экстер, Билинский, Габо и мн. др. Эта выставка произвела такой же „бум“, как когда-то Русские сезоны перевернули представление о Русской культуре в Европе и Америке. Только не во времена постимпрессионизма и Пикассо, а во время соцреализма и соцавангарда... Огромная страница русской культуры была практически недоступна не только для широкой публики, а даже для профессионалов. Да что говорить! Ведь с художественной школы внушиается: „эмigration для русского художника, писателя,

композитора – творческая смерть! Он (художник-эмигрант): а) пьет горькую без просыпу; б) плачет, стонет, спокойно не может видеть березку; в) конечно, сидит без гроша и чуть ли не каждый день режет свои холсты. Горькая судьба русских художников-эмигрантов, не понявших значения Великой Октябрьской" и т.д.: Шагала, Сутина, Кандинского, Цадкина, Архипенко, конечно, в счет не берут. А великий русский художник Репин жил под Ленинградом на даче, ну вроде бы как и в СССР. Приговор гласит: художник-эмигрант ни черта не пишет и работать не может! Ваши выставки перечеркнули эту ложь. Ведь изобразительное искусство – это практика, а не теория. Работы идеально показали всю несостоятельность „критики“ и „пропаганды“ (это, собственно, одно и то же).

П. Челищев. Эпидермальный эскиз костюма к опере «Орфей и Эвридида», Нью-Йорк, 1936.

Выставка – о единстве русской культуры, неразделимости ее до и после 17-го года. И не важно, где делалось Искусство – в Москве, Питере, Париже, Лондоне и т.д. И можно сколько угодно говорить, писать, что художники зарубежья „вне России“ ничего значительного не создали.

Ан, нет, господа хорошие, – вот посмотрите! Коровин, Бенуа, Бакст, Добужинский – все создано не в „запойной тоске зеленой“, а блистательно нарисовано, скомпоновано и написано. И что самое главное, писались не на стеллажи в мастерских, как, кстати, пишут сейчас большинство талантливых художников в Союзе. Они имели жизнь в Русских сезонах, которые продолжались до 30-х годов (что тоже скрывалось). Да и имеет продолжение

в наши дни. В сезон Гранд-Опера 89–90 гг. включены Русские сезоны. Балеты будут идти по эскизам Бенуа, Бакста, Гончаровой, Ларионова. Все эти художники блистательно представлены на Вашей выставке. Многих знали понаслышке или плохим репродукциям. А такие имена, как Экстер, Киселев, Коровин, Попова были просто открытием как новых имен, так и блистательных мастеров. Совершенно новое (вернее, искусственно забытое старое) художественное мышление пластики, образного понимания персонажей, новое использование совершенно неожиданных сочетаний цвета и формы. Мне, как профессиональному, Ваша выставка дала богатейший материал для понимания и переосмысления подхода к холсту, задачи фактуры, значение локального пятна и линии...

Да, прошли в Союзе выставки Филонова, Малевича, Лентулова (Москва), а сейчас идет выставка Кандинского, но все это было после „Первой ласточки“ – Вашей Выставки!»

Четвертая выставка собрания Н.Д. Лобанова состоялась в Москве в Музее личных коллекций, который является отделом ГМИИ. Она открылась 3 ноября 1994 г. На открытии выставки Никита Дмитриевич говорил о том, что он отдал всю свою сознательную жизнь собирательству русской сценографии, что советская власть разрушала блестательную театральную традицию, чему ярким примером является творчество Мейерхольда, Михоэлса, Таирова, Курбаса, Михаила Чехова, невозвращенцев Большого театра, а переговоры в 1980-х годах об открытии в Москве первой выставки его собрания власти объявили идеологической диверсией. Четвертая выставка прошла с необыкновенным успехом.

С. Делоне. Эскиз костюма
Клеопатры к балету
«Клеопатра», 1918

16 марта 1990 г. в актовом зале Ленинградского дома журналистов, в цикле встреч «Культура русского зарубежья», состоялся вечер воспоминаний Никиты Дмитриевича «Былое и думы». Зал был переполнен. Вечер вел профессор Никита Алексеевич Толстой. Беседа шла полтора часа. В ней Никита Дмитриевич рассказывал о своем горьком детстве в Болгарии, о годах учебы в Оксфорде, о зарождении любви к театральной живописи, о собирании произведений русского искусства, о встречах с русскими художниками и, наконец, о своем видении будущего России. Все время в зале стояла благожелательная тишина. Более благодарных слушателей он не встречал. Рассказ сопровождался демонстрацией слайдов. Многие ленинградцы с благодарностью вспоминают слова правды Никиты Дмитриевича.

Мы не рассказываем здесь о выставках «Русский авангард и сцена. 1810–1930», устроенных в музеях земли Шлезвиг-Гольштейн, Висбадена и Брюсселя. Скажем только, что они сопровождались изумительно изданными каталогами и прошли при полном взаимопонимании зрителей и устроителей.

Осенью 1998 г. состоялась последняя из выставок собрания Никиты Дмитриевича. Ее показал музей искусства в городе Йокогама (Япония). Н.Д. Лобанов, будучи на своей выставке в Брюсселе, познакомился с куратором отдела искусств Йокогамы, и тот попросил Лобанова показать выставку в Японии. Последовало согласие, и экспозиция была увезена на край света. Выставка явила японской публике прекрасные работы Лобановской коллекции (350 произведений 75 мастеров). Это была первая крупная выставка русской театральной живописи в Японии. На нее приехали друзья Никиты Дмитриевича: профессор Джон Боулт и

профессор Д.Е. Горбачев.

<...>

Выставке в Йокогаме был посвящен 40-минутный телевизионный ролик. В нем мы встречаемся с Никитой Дмитриевичем, Джоном Боултом и Дмитрием Горбачевым, беседующими о разных аспектах театральной живописи. Они вспоминают начальные этапы его собирательства, останавливаются на сложных моментах истории русского авангарда, его непростой судьбе, возрождению и триумфальному шествию в Европе и Америке. Сопроводительный текст написал академик Д.В Сарабьянов, который особо отметил непреходящую ценность и мировую значимость собрания Н.Д. Лобанова-Ростовского.

А. Петрицкий, эскиз костюма
Хиври к опере «Сорочинская
ярмарка», 1925.

Никита Дмитриевич не прекращает выставочной деятельности. Теперь уже речь идет об украинском авангарде. В 2000 г. он и Д.Е. Горбачев выработали концепцию выставки, для чего потребовалась поездка Н.Д. Лобанова в Киев. Решено было отобрать из коллекции музеев и частных собраний 120–140 работ украинских авангардистов. В США Никита Дмитриевич организовал спонсорский фонд, который открыл веб-сайт в Интернете. В качестве организации, оплачивающей затраты, выступают крупные музеи США. Все расходы, связанные с выставкой, выражаются в сумме 210 000 долларов.

Трудности с организацией выставки украинского авангарда следующие. Во-первых, на Украине мало работ

авангардистов, так как большевики целенаправленно уничтожали произведения авангардных художников (например, совсем нет работ Сони Делоне, самой известной украинской художницы за пределами Украины). Во-вторых, существующий таможенный закон обкладывает 30–процентным налогом любое произведение искусства, ввозимое в страну. В-третьих, украинские коллекционеры очень бедны работами авангардистов. Надеемся, что все препоны устранимы, и в 2003 г. выставка будет открыта и показана американским любителям прекрасного⁴⁹.

Собирание уникальной коллекции и чрезвычайно успешная выставочная деятельность Никиты Дмитриевича – две стороны одной медали. Трудно разделить его собирательскую и выставочную активность. Я надеюсь, что он еще долго будет нас радовать своими открытиями во славу русской театральной живописи.

⁴⁹ Выставка состоялась в Чикаго и Нью-Йорке в 2006 г. (ред.).

КАТАЛОГИ

Анатоль Франс, великий французский писатель в романе «Преступление Сильвестра Бонара» хорошо сказал: «Не знаю чтения лучшего, чем чтение старых каталогов». А новые читаются еще с большим интересом, если они написаны с блеском, на научной основе, крупным специалистом. Всем этим условиям удовлетворяют два больших тома каталогов, посвященных коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских. Но издание подобных каталогов не входило в намерения советской власти. И даже уже в годы перестройки, в 1988 г., КПСС в лице кураторов и министра культуры не разрешили публиковать его.

Благодаря тому, что был основан Фонд культуры, который возглавлял академик Д.С. Лихачев и который ходатайствовал перед Р.М. Горбачевой, первый том удалось издать в 1990 г. Он вышел тиражом 30 000 экземпляров, представляя собой альбом больших размеров с 200 цветными иллюстрациями высокого качества. Выпустило его издательство «Искусство». Издание сопровождалось обстоятельной статьей Д. Боулта, М.П. Пожарской и большим интервью Никиты Дмитриевича, данным Д. Боулту, переданным радиостанцией Би-Би-Си в 1984 г.

На вопрос – какие ощущения испытывает собиратель, приобретая картины, – Никита Дмитриевич ответил: «Я – коллекционер, желающий обладать картинами, с которыми я чувствую связь. Можно спросить, зачем обладать картинами, когда можно посмотреть на такие же или даже лучше в музее? Частично потому, что это единственная возможность находиться в прямом ежедневном контакте с картинами. Кроме того, я испытываю непреодолимую потребность приобретать картины»⁵⁰.

Несмотря на то, что книга стоила довольно дорого, через полгода потребовалась ее допечатка. Она вышла тиражом 25 000 экземпляров в том же издательстве. Так велика была потребность людей видеть шедевры собрания Н.Д. Лобанова-Ростовского.

Никита Дмитриевич продолжал хлопотать перед властями об издании второго тома, каталога-резоне, где бы все 1026 работ 148 художников были бы даны с подробными комментариями, биографиями мастеров, полной библиографией их творчества и обширным списком работ по русской театральной живописи.

Когда все пути были исчерпаны, Н.Д. Лобанов обратился к академику Д.С. Лихачеву и передал ему макет книги на английском языке, при этом объяснил, что издание книги не удается, требуется директива сверху. Дмитрий Сергеевич обратился с письмом к Р.М. Горбачевой, та отнеслась к публикации благосклонно.

Все окончилось благополучно, и каталог-резоне был опубликован в 1994 г. после четырех лет настойчивых просьб и уговоров. 1 ноября 1994 г.

⁵⁰ Боулт Д. Художники русского театра. 1880–1930. Альбом. М., 1991. С. 79.

состоялась презентация каталога в редакции газеты «Культура», затем появились многие рецензии на этот поистине великий труд.

Деятельное участие как соавтор Д. Боулта принял в каталоге и сам Никита Дмитриевич. Он готовил исходные материалы, делился своими исследовательскими находками, сделал фото всех работ. Им были написаны следующие разделы каталога: «Определение каталога-резоне», «Указатели», которые помогают ориентироваться в поистине необъятном море фактического материала. В частности, очень ценные списки выставок с участием коллекции Лобановых-Ростовских, список дарений, который за восемь лет сильно устарел. Особую ценность для историка искусства имеют «Воспоминания собирателя», мемуарные материалы о встречах Никиты Дмитриевича с русскими художниками за рубежом, а также интервью болгарскому журналу «Орфей». Для людей, интересующихся судьбами русского искусства, более интересного чтения не найти. Большой подбор семейных и других фотографий приобщает нас к жизни Никиты Дмитриевича и его жены Нины и делает их деятельность зrimой и запечатленной на века.

Появление каталога-резоне на русском языке явилось определяющим моментом в истории собрания Никиты Дмитриевича. Это был рубеж, после которого коллекция приобрела новую жизнь, она утвердилась в своем бытении и прочно вошла в анналы науки об искусстве. Кто знает – какая судьба ждет ее в будущем? Она может изменить хозяина, быть продана, подарена, утеряна, раздроблена, но каталог запечатлел ее в подвиге собирателя. Она навсегда будет известна как «Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских».

На презентации Никита Дмитриевич произнес взволнованную речь. В ней он с достоинством говорил о результатах своей просветительской деятельности на ниве театральной живописи.

Рецензии и отклики на книгу не заставили себя долго ждать. Первой выступила газета «Культура». Н. Данилевич в статье «Каталог коллекции Лобановых-Ростовских» особо отмечала, что на презентации книги присутствовал сам Никита Дмитриевич, что дало ей повод вспомнить славную историю рода князей Лобановых-Ростовских. В частности, она нашла несколько слов признательности в адрес прабабушки Никиты Дмитриевича по материнской линии Ольги Васильевны Галаховой, спасшей в 1905 г. музей И.О. Тургенева в Спасском-Лутовинове от пожара во время первой русской революции.

«И эта книга, помимо научных, просветительских, эстетических достоинств, является собой еще и пример коллекционерского подвига, который вызывает восхищение», – писала автор.

23 декабря 1994 г. с пространной статьей в «Литературной России»

выступил А.В. Толстой. Он писал:

«Она (книга. – *A.B.*) представляет действительно капитальный вклад в историю не только русского и советского театрально-декорационного искусства рубежа XI–XX и первой трети XX в., но и всей отечественной художественной культуры нашего столетия».

А. Шатских в «Вопросах искусствоведения» выступила с замечательным разбором этой книги. Она отмечает, что четыре года назад издательство «Искусство» подготовило одноименный альбом, который стал как бы предшественником настоящего издания. Перечислив все достижения этого гигантского труда, А. Шатских так заканчивает свое блестящее эссе:

«В целом же выпуски каталога-резоне обладает, как представляется, не только художественным, но и весомым общественным значением, поскольку вселяет определенный оптимизм, веру в жизнеспособность отечественной культуры, переживающей сегодня глубокий кризис»⁵¹.

И, наконец, нельзя не упомянуть блестящий разбор книги, сделанный Ю. Молоком в парижском вестнике Русского института «Око». Он отмечает гигантскую роль в написании труда Джона Боулта, но во главу угла ставит «результат многолетнего и упрямого собирательства русских коллекционеров из Лондона Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, посвятивших многие годы этому делу». Он пишет, что Лобановы не только собирали малоизвестные эскизы декораций, но и открыли совершенно новые имена русских художников, талант которых проявился именно на зарубежной сцене. Никита Лобанов снял табу на творчество этих мастеров, которые были под запретом в СССР. Фактически – это художники театральной живописи в зарубежье, которые не были известны⁵².

Есть в каталоге-резоне один, но существенный недостаток – не указано происхождение работ. Современные каталоги обязательно имеют этот раздел. Он является путеводной нитью, рассказывающей о том, кому в прошлом принадлежали шедевры, с перечислением (если возможно) всех предыдущих владельцев. Происхождение картины – дань памяти и уважения к прежним собирателям, ностальгическая нота по ушедшим временам. Каталоги такого масштаба просто обязаны указывать провенанс.

Никита Дмитриевич так указывает отсутствие происхождения. В годы

⁵¹ Шатских А. Рецензия на книгу Д. Боулта, Н.Д. Лобанова-Ростовского «Художники русского театра. 1880–1930» // Вопросы искусствознания, 1995, № 1–2. С. 578–581.

⁵² Молок Ю. Короткий век театра и книга о театре // ОКО, Париж, 1994, № 1. С. 132–134.

господства тоталитарного строя за модернистские полотна (а все, что было после передвижничества, объявлялось формализмом) осуждали владельцев и давали пять лет тюремы. Подавляющее большинство произведений собрания Лобановых относилось к модерну, авангарду и другим течениям, где преобладала форма, а не содержание. Таким образом, Никита Дмитриевич брал на себя благородную роль – не подвести собирателя из СССР. И многие ему за это признательны, ибо он жил в США, а коллекционеры, у которых он приобретал картины, – в Советском Союзе. Некоторые поплатились за торговлю формалистическими произведениями. Естественно, что, в первую очередь, доставалось художникам, работавшим в авангарде. А. Герасимов, президент Академии художеств, специально писал в органы доносы на таких мастеров, много на его совести изломанных судеб, например, Н.Н. Лунина.

Своим каталогом-резоне Н.Д. Лобанов сделал великое дело – ввел в историю русского искусства новые имена. Теперь они прочно вписаны в историю театральной живописи. Кроме того, сам факт существования очень значительной коллекции достойно увековечен. Никита Дмитриевич не поскупился на большие затраты и фактам издания каталога доказал, что он является выдающимся и культурнейшим собирателем, ибо издание каталога – замечательная история современного коллекционерства, которая невзирая на преграды, нашла путь к зрителям и историкам искусства. Расходы на печатание каталога составили 40 000 долларов. Здесь уместно сказать о вкладе Джона Боулта в составление каталога. Являясь основным автором, ему пришлось изучить сотни первоисточников, по-новому взглянуть на жизнь и творчество мастеров театральной русской живописи. О некоторых художниках не нашел материалов (да скорее всего их и в природе не существует). Кропотливая работа не прошла даром – получился, может быть, лучший его труд по русскому искусству. Титаническое его трудолюбие по достоинству вознаграждено – его работа сразу же заняла почетнейшее место в русской культуре. Нас не будет, но труд Джона Боулта, как и деятельность Никиты Дмитриевича, останется на долгие годы, до тех пор, пока будет существовать театр. А он будет существовать вечно!

В заключение укажем, что каталог-резоне есть во всех крупных библиотеках – столичных, музеиных и провинциальных. Никита Дмитриевич сделал щедрый дар книгохранилищам России – он подарил Международной ассоциации «Мир культуры» 600 экземпляров каталога (к сведению читателей – он стоил 20 долларов за экземпляр).

12 марта 1996 г. он получил нижеследующее письмо:

*Многоуважаемый Никита Дмитриевич!
Президентский совет Международной ассоциации творческой
интеллигенции «Мир культуры» благодарит Вас за участие в работе*

нашей ассоциации. Мы выражаем большую признательность за прекрасный дар в фонды российских библиотек и других учреждений культуры – Вашей замечательной книги «Художники русского театра. 1880–1930». Согласно Вашему письму и нашей взаимной договоренности, все книги распределены по назначению.

Ваша подвижническая деятельность в собирании и сохранении произведений изобразительного театрального искусства России конца XIX – начала XX в. вносит достойный вклад в возрождение лучших культурных российских традиций.

С наилучшими пожеланиями и с надеждой на дальнейшее творческое сотрудничество.

С уважением,

Президент

Международной ассоциации

«Мир культуры»

Фазиль Искандер

Вице-президент

Международной ассоциации

«Мир культуры»

Андрей Битов

Следует особо отметить изданный в 1998 г. в Бельгии каталог выставки «Русский авангард на сцене. 1910–1930» (на французском языке). На выставке в Брюсселе было представлено 350 произведений, все они воспроизведены в черно-белом изображении в марочном размере, а 84 – даны в цвете. Качество полиграфии изумительно. Магнус Вистинхаузен написал блестящую статью «Происхождение одной коллекции» и иллюстрировал ее редкими фотографиями из семейного архива Н.Д. Лобанова.

Джону Боулту принадлежит весь остальной текст – большая вступительная статья об авангарде на русской сцене. Особенно интересны разделы о режиссерах, Александре Экстер, украинском авангарде, Георгии Якулове, Любови Поповой, Варваре Степановой, Георгии Стенберге. Сопроводительный текст к иллюстрациям очень краткий, значительно меньше, чем в русском варианте каталога. То же относится и к биографиям художников. Даны краткие сведения о спектаклях. Труд этот в 176 страниц большого формата – памятник полиграфии высокой культуры. Сама же бельгийская выставка явилась вкладом в приобщение зрителей к русской сценографии. На ней было много показано произведений, которые ранее нигде не экспонировались. В таком же составе выставка уехала в Японию, в город Йокогаму. Каталог на японском языке издан без изменений в текстах.

Никита Дмитриевич полон дальнейших планов. За годы, прошедшие со дня выхода каталога-резоне, коллекция сильно увеличилась. Появились новые данные о жизни и творчестве художников. Каталог требует переиздания, и оно состоится. Джон Боулт работает над новой редакцией

каталога, значительно переработанной и расширенной. Он будет в двух томах.

ДАРЕНИЯ

Никита Дмитриевич от природы щедрый человек. Это проявилось в его дарах музеям, библиотекам и мемориальным фондам. Он начал свои дарения общественным учреждениям с июля 1962 г. и не прекращает их по сей день. По состоянию на 1994 г. он подарил 475 произведений искусства, после много жертвовал российским музеям. Точную цифру Никита Дмитриевич затрудняется назвать, но счет идет на сотни единиц. Попробуем вкратце перечислить основные дарения.

Первый дар состоялся в самом начале собирательства (как помним, оно началось в 1959 г.). 7 июня 1962 г. Никита Дмитриевич подарил Нью-Йоркскому музею современного искусства 15 шелкографий А.А. Экстер. Это был полный набор, состоящий из 15 трафаретов, размером 33x50,5 см, входящих в альбом «Alexandra Exter. Décors de Théâtre» (Париж, 1930). Он был издан тиражом 150 экземпляров. Вступительную статью написал друг Экстер А.Я. Таиров, главный режиссер Московского Камерного театра. Три трафарета имеют посвящение В.А. Издебскому (1881–1965) – живописцу, скульптору и устроителю выставок, старому другу Экстер.

Этот альбом в 1960–1970-е годы продавался у парижских букинистов, и Никита Дмитриевич купил пять полных экземпляров, из которых один оставил себе, а четыре подарил. Кроме вышеупомянутых, он в разные годы дарил полные комплекты Музею искусств Корнельского университета (1971), Нью-Йоркской публичной библиотеке (1972), Фонду Стравинского–Дягилева в Нью-Йорке (1973), Сан-Францисскому музею Почетного легиона (1978). Кроме того, неполные комплекты альбома Экстер были подарены музею Метрополитен (8 шелкографий, 1970) и Музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (11 шелкографий, 1987).

Не проходило и года, чтобы Никита Дмитриевич не дарил произведения декорационно-театрального искусства государственным хранилищам. Так, в 1968–1969 г. он презентовал музею Метрополитен в Нью-Йорке эскиз костюма и эскиз декорации художника М.Ф. Андреенко. В 1967 г. дарит музею Метрополитен и Уодсворт Атенеум в Норт Хартфорде пять эскизов костюмов работы Б.И. Анисфельда, еще один эскиз костюма – музею Почетного легиона в Сан-Франциско в 1978 г.

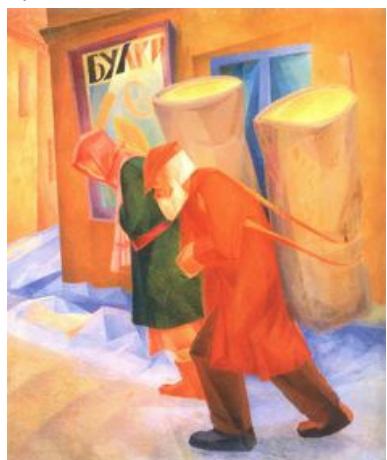
Никита Дмитриевич очень любил безвременно ушедшего из жизни Марка Григорьевича Эткинда (1925–1979) – известного специалиста по творчеству Александра Бенуа. В память о нем Никита Дмитриевич подарил Ленинградскому театральному музею четыре эскиза костюмов кисти А.Н. Бенуа.

Что касается его сына, Николая Александровича Бенуа, то Н.Д.

Лобанов подарил американским музеям в 1980–1981 гг. 16 произведений. Особого упоминания заслуживает его щедрый дар ГМИИ – 86 эскизов к «Мазепе» П.И. Чайковского (1986). Это полный набор к данной опере.

А.К. Богомазов.
Автопортрет углем, Киев,
1914

А.К. Богомазов. Эскиз к
картине «Тирсоноси»,
1929

оформлять спектакли», но проблемы ритма интересовали его всю жизнь. У Никиты Дмитриевича всего три работы Богомазова, но он много его произведений дарил. В разные годы, начиная с 1969 по 1978 год, он осчастливили американские музеи хорошей коллекцией живописи, графики и фотографий. Нужно сказать, что Богомазов за пределами Украины почти неизвестен, прожил всего 50 лет, работал исключительно в Киеве и, хотя его называли «украинским Пикассо», от него осталось очень мало работ. Крупнейшим музеям США было очень лестно получить работы Богомазова: 2 акварели, 5 рисунков, 18 фотографий и слайдов, относящихся к творчеству художника, и даже одну картину маслом. Все это подарено музеям Гугенхайма, Метрополитен и факультету искусств Техасского университета.

Л.С. Бакст, любимый мастер Никиты Дмитриевича, пользовался наибольшей признательностью при дарениях. Его было дарено очень много, несмотря на высокую стоимость работ. В Публичную библиотеку Нью-Йорка в 1967 г. подарено 8 эскизов костюмов и альбом с 34-мя акварелями и рисунками. В том же году музею Метрополитен был подарен литографированный портрет балерины Н.В. Трухановой (1885–1956) и образцы тканей, сделанных по акварелям Л.С. Бакста. Туда же ушли: один эскиз декорации, пять эскизов костюмов и шесть других эскизов. Четыре эскиза костюмов Никита Дмитриевич подарил в Фонд Стравинского–Дягилева (1973). В 1976–1977 годах он дал в Публичную библиотеку Нью-Йорка 14 эскизов костюмов и декораций и, наконец, три карандашных рисунка передал в галерею Хантингтона в Техасский университет (Остин, 1981).

Следует заметить, что Бакста Никита Дмитриевич приобретал с великим удовольствием и не с меньшим дарил музеям. У него вообще дар к дарениям.

Наследие художника А.К. Богомазова интересно рассмотреть с точки зрения отношения Никиты Дмитриевича к этому мастеру, которому, по свидетельству Д. Боулта, «не довелось

Интересно положение с даром произведений художника Константина Александровича Вещилова (1877 – после 1937). Он был довольно известный исторический живописец, а с 1914 г. перешел к пейзажу. Сценографией начал серьезно увлекаться с 1910 г. Исполнил декорации к пьесе А.С. Суворина «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения» (театр Литературно-художественного общества, 1910), к операм «Богема» Пуччини и «Кармен» Бизе (театр Музикальной драмы, 1913). С 1914 г. заведовал в театре Суворина декорационной частью. В 1922 г. эмигрировал во Францию.

И.А. Антонова и Н. Лобанов. Москва.
28.03.2016

У Никиты Дмитриевича нет в коллекции работ Вещилова, но они были: один рисунок художника, который он подарил музею Метрополитен в 1969 г., и 80 гравюр на русские темы – в галерею Хантигтона Техасского университета. Третий дар – 125 гравюр конца XVIII – начала XIX в., изображающих Россию, Н.Д. Лобанов принес в дар Русскому культурному центру (108-я улица, Нью-Йорк). Все эти 205 гравюр происходят из наследства К.А. Вещилова. Он использовал их как подготовительный и вспомогательный

материал в своих исторических картинках и написаниях театральных декораций. Никите Дмитриевичу они были не по профилю собрания, а музеям и Русскому культурному центру их очень недоставало.

Щедрые дары получил музей Метрополитен. В течение 1967–1970-х гг. он стал владельцем 10 эскизов костюмов и 5 типографических программ (лито) Н.С. Гончаровой. Гончарову Никита Дмитриевич также дарил музею Почетного легиона в Сан-Франциско (1 литография) и галерее Хантигтона Техасского университета (3 литографии). Этим же музеям подарены три гравюры и четыре литографии работы М.Ф. Ларионова, Нью-Йоркской Публичной библиотеке – два эскиза костюмов.

Музею Метрополитен в разные годы дарились четыре эскиза костюмов М.В. Добужинского; семь шелкографий В.А. Издебского; два эскиза костюмов К.А. Коровина; две гравюры Г.А. Пожедаева; два кубистских эскиза костюмов С.Ю. Судейкина (вероятно, к «Волшебной флейте» Моцарта и «Соловью» И.Ф. Стравинского); два эскиза костюмов Ф.Ф. Федоровского; два эскиза костюмов и 6 эскизов декораций П. Фромана; пять эскизов костюмов и пять моделей одежды С.В. Чехонина; три эскиза костюмов, две акварели и один карандашный набросок Р. Эрте.

С. Чехонин. Эскиз костюма клоуна с большим брюхом, 1926

Музей Почетного легиона стал обладателем следующих произведений: пяти эскизов декораций Б.К. Билинского, четырех эскизов декораций В.И. Жедринского, трех карандашных рисунков К.А. Сомова, семи эскизов костюмов С.Ю. Судейкина, одного эскиза костюма П.Ф. Челищева, двух эскизов костюмов С.В. Чехонина.

Трех эскизов костюмов работы А.К. Шервашидзе удостоился музей города Сухуми Абхазской АССР, откуда родом была княжеская семья художника. Это дарение произошло в феврале 1981 г.

В последние годы Никита Дмитриевич дарил много акварелей Н.А. Бенуа и гуашей А.А. Экстер Московскому музею личных коллекций (1994).

Особую ценность представляет собрание агитационного фарфора, которого в музее не было.

И.А. Антонова попросила Н.Д. Лобанова подарить ГМИИ несколько экспонатов. И хотя Никита Дмитриевич не собирал фарфор 1920-х годов, он поехал к знакомому коллекционеру и к открытию привез довольно большую партию. В музее его решили помыть и фарфор приобрел светлый вид, что позволило посетителям музея усомниться в качестве дара. Тогда Никита Дмитриевич поехал к тому же коллекционеру еще раз и купил новую партию фарфора. Передавая его в ГМИИ, он просил фарфор не мыть, что и было сделано. Для информации читателей скажем, что лет пять назад на аукционе «Сотбис» была продана тарелка с супрематическим рисунком Малевича за 75 тысяч долларов.

Одним из последних действий был дар Никиты Дмитриевича в августе 2001 г. шести фаянсовых тарелок Петергофскому музею-заповеднику. Тарелки имеют большую историко-культурную ценность и происходят из собрания Афонского монастыря Святого Андрея. Они были подарены Н.Д. Лобанову настоятелем этого монастыря при посещении его в 2000 г. Дирекция музея-заповедника (письмо директора музея В.В. Знаменова от 23.08.2001 г.) горячо поблагодарила дарителя.

Хорошие связи у Никиты Дмитриевича сложились с украинскими музеями. Это объясняется тем, что один из его предков был киевским генерал-губернатором, а в начале XX в. Украина дала миру много художников-авангардистов, к которым Никита Дмитриевич испытывает искреннюю любовь. В 2001 г. он подарил Киевскому музею имени Тараса Шевченко акварель великого кобзаря, Национальному художественному

музею – 15 эскизов А.А. Экстер и этюд И.Е. Репина «Казак»⁵³, в 2002 г. – две гравюры Сони Делоне.

И. Репин. Эскиз к картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Масло. 1888. Национальный художественный музей Украины, Киев. Дар Н. Лобанова

много гравюр с изображением царствующих особ дома Романовых и полководцев, принесших им мировую славу; некоторые работы выдающихся театральных художников, входящие в его собрание. Задача музея – показать историю России через жизнь и деятельность князей Лобановых-Ростовских. Открытие музея – знаковое событие для Москвы, символизирующее возвращение его древнего и знатного рода Рюриковичей на Родину после 80 лет эмиграции. Никита Дмитриевич назначен внештатным хранителем музея. Он считает, что «история – религия образованных людей». Много усилий для открытия музея приложили глава управы района «Филевский парк» Владимир Николаевич Синьков и директор парка Валерий Феликсович Кособуцкий, им очень благодарен Никита Дмитриевич за признание вклада рода князей Лобановых-Ростовских в русскую историю и практическую работу по устройству дома⁵⁴.

Этот неполный перечень даров – ярко характеризует Никиту Дмитриевича как необычайно щедрого мецената и благотворителя. Обычно коллекционеры очень неохотно (а тем более бесплатно) расстаются со своими реликвиями. Не то Никита Дмитриевич. Он никогда не делал гешефтов, обменов. Дает для музеев мирового значения (Метрополитен, Музей современного искусства, Нью-Йоркская Публичная библиотека, ГМИИ, Петергоф) только соответствующие их рангу

⁵³ Лобанов-Ростовский Н.Д. Живопись в Украине; взгляд русского лондонца // Литературный Крым (Симферополь). 2002. № 27–28 (30– 31).

⁵⁴ Лобанов-Ростовский Н.Д. Мемориальный дом в Москве // Интеллектуальный капитал, 17 мая 2001. С. 3; Лобанов-Ростовский Н.Д. Резиденция в Филях // Труд-7, 17 мая 2001. С. 22; Лобанов-Ростовский Н. Русский антикварный рынок на рубеже XX–XXI веков // Наше наследие, 2002, № 62. С. 78–92.

экспонаты, чуть-чуть обедняя себя. Н.Д. Лобанов-Ростовский избран пожизненным членом совета благотворителей музея Метрополитен.

Эту главу хочется окончить евангелистским пожеланием: «Да не оскудеет рука дающего».

ОБРАЗ ЖИЗНИ КНЯЗЯ

Любой человек – тайна, причем тайна неразгаданная. Примем априори. Эта глава – впечатления, очень субъективные о личности Никиты Дмитриевича.

В Англии живут джентльмены. Никита Дмитриевич живет в Англии... Он врожденный джентльмен, что любит подчеркивать и сам. Одевается изысканно, одежду и обувь шьет по заказу, подобно Константину Сомову, считавшему, что нигде не умеют шить, кроме как в Лондоне. Любит цветные шелковые платки в нагрудном кармане, играющие роль декоративного пятна на строгом костюме. Курит гаванские сигары и шутя говорит, что этим экономически помогает Кубе строить социализм. Пьет очень мало, дорогим винам предпочитает избранные сухие болгарские из района Сухиндол, в крайнем случае, калифорнийские. К водке, коньяку и виски равнодушен. Он в высшей степени респектабелен и благовоспитан.

Патриция Накова, Андрей Наков, сестра Казимира Малевича Виктория Севериновна Зайцева (21 апреля 1896 – 28 ноября 1984) и Н. Лобанов, Вышгород под Киевом. 1974

особо предпочитая Францию, Болгарию и Россию. Его активность касается всего: работы, частной жизни, отдыха, увлечений. Он искатель приключений. Например, в 1970 г. совершил с А. Наковым поездку на хутор под Киев в поисках работ Казимира Малевича. Они направлялись к сестре Малевича. Иностранным ездить в Киев тогда категорически запрещалось, они сильно рисковали – их могли в случае обнаружения выдворить из СССР. Наков говорил по-русски с сильным акцентом,

Никита Дмитриевич – человек, сделавший себя. Тяжелое детство и расстрел отца, которого он богохульствовал, наложили печать страдания на всю оставшуюся жизнь. Прекрасное образование, интересная работа и страсть к коллекционированию сделали его человеком очень контактным, умным собеседником, открытым и доброжелательным. У него сильный творческий интеллект. Здесь уместно вспомнить слова графа В.А. Сологуба: «ни ребенка, ни молодого, ни взрослого человека не обучают: они сами обучаются, если имеют способности, охоту и терпение».

Никита Дмитриевич – энергичный человек, сомнения ему свойственны только в личной сфере. Очень подвижен, любит путешествия, приключения. Например, в 1970 г. совершил с А. Наковым поездку на хутор под Киев в поисках работ Казимира Малевича. Они направлялись к сестре Малевича. Иностранным ездить в Киев тогда категорически запрещалось, они сильно рисковали – их могли в случае обнаружения выдворить из СССР. Наков говорил по-русски с сильным акцентом,

поэтому в такси молчал, а Никита Дмитриевич, хотя и говорил с легким акцентом, но выдавал себя за прибалта. Все обошлось благополучно, но работ Малевича не обнаружилось, все изъяли органы КГБ.

Никита Дмитриевич контролирует свою жизнь и свои расходы. В одном из интервью почему-то назвал себя скуповатым. Может пойти на компромисс. Щедро дает средства на всякие проекты (главным образом, издательские), касающиеся культуры и его любимого собирательства. Иногда эта отзывчивость трудно объяснима. Например, в 1974 г. в Париже один советский искусствовед Н. в частном разговоре пожелал ему смерти. И тем не менее, он пользовался уважением Никиты Дмитриевича и получал от него в наши дни ко дню рождения дорогие подарки. Почему он это делал? Никита Дмитриевич объясняет это так: «Но он же спасал Малевича!». Малевича, действительно, спасал (также как Ларионова, Гончарову, Экстер, Кандинского и других художников авангарда, сделав для них в музее особое хранилище, ключ от которого всегда находился в кармане Н).

Никита Дмитриевич темпераментен и словоохотлив. Это проявляется в том, что он при любом удобном случае начинает увлеченно говорить о театральных коллекциях, мастерах русского дизайна, о своих встречах с художниками. Рассказы эти носят просветительский характер и полны всегда неиссякаемого интереса. Лучшим примером является его выступление в Ленинградском доме журналиста, где он рассказывал почти два часа о художниках русского зарубежья и своих встречах с ними. Говорит Никита Дмитриевич обычно без затруднения на русском языке, чудесно владеет литературным слогом. Незначительный болгарский акцент только украшает его речь. По натуре очень впечатлителен. Душа любой компании. Философ. В частных беседах откровенен. Нуждается в друзьях и очень много их имеет. Двери своего дома держит широко раскрытыми для них.

В достижении своих целей упорен и идет к ним, несмотря на преграды. Не стесняется быть жестким, возразить чиновнику, если он, на его взгляд, не прав и даже не боится грозить ему экономическими санкциями. Еще будучи на службе, при разрешении трудовых споров старался быть объективным и никогда не настаивал на применении жестких условий, если были смягчающие обстоятельства.

Не любит писать большие письма, хотя делает исключения, когда говорит о дорогих ему людях: И.С. Зильберштейне, А.Н. Бенуа, Д. Боулте, Е. и А. Серебряковых, С. Балашовой.

Бесконечно предан русской культуре. Символом ее считает А.С. Пушкина. Недавно написал блестящее эссе о Пушкине, опубликованное в журнале «Колокол» (2002. № 2), в котором рассматривает его творчество с необычной точки зрения, говоря о том, что не был Пушкин революционером, декабристом, тираноборцем, якобинцем, но был просто

фронтирующим молодым человеком. Никита Дмитриевич считает, что цари к Пушкину относились хорошо, также, как и граф Александр Бенкендорф, и чиновник III Отделения Павел Миллер. Заканчивая эссе о А.С. Пушкине, Н.Д. Лобанов останавливается на судьбе России, политическое устройство которой при господстве КПСС напоминало Древний Египет с обожествленными фараонами и мумиями в саркофагах. Царское самодержавие, по сравнению с диктатом одной партии, выглядело либеральной демократией. Но стоило только чуть отпустить путы идеологии, все рассыпалось в прах. И важную роль в этом сыграла культура, чистейшим образцом коей был А.С. Пушкин.

Жизненная позиция Никиты Дмитриевича состоит в вере в творческие силы России. «Очень хочу надеяться, что время мщения и войн проходит. При распаде СССР невинными жертвами оказались русские, неожиданно для себя ставшие гражданами других независимых государств. Положение их весьма незавидное. С моей точки зрения, отношение к этой диаспоре в течение последних 10 лет было позорным. ...Россия больше, чем страна. Это состояние духа, мироощущение, особое видение», – говорит Н.Д. Лобанов⁵⁵.

С целью популяризации истории России и вклада русских людей в нее Никита Дмитриевич уже три года предлагает организовать в Москве Национальную портретную галерею. В ней должны быть представлены портреты всех деятелей, оставивших след в истории, – от Рюрика до Сталина (кстати, он его считает самым большим негодяем в истории мира), от Павлика Морозова до А. Пугачевой. Образы в портретах, скульптуре, гравюре, фотографиях. Подобно тому, как размещены портреты в Национальной портретной галерее Великобритании, без всякой дискриминации, где история страны наглядно проиллюстрирована с момента зарождения и по сей день. С этой целью Никита Дмитриевич подарил бы 15 портретов русских деятелей, подобно тем, что он презентовал Дому-музею Лобановых-Ростовских. Но мысль эта не находит воплощения, как и идея продажи коллекции российским музеям.

Никита Дмитриевич за 45 лет коллекционирования стал весьма самобытным исследователем. Как человеку, имеющему три университетских образования, ему свойствен системный подход к проблемам собирательства. Начал он с биографических очерков о сценографах: Б.К. Билинском, П.Ф. Челищеве, Н.К. Калмакове, Д.Д. Бушене и других; написал ряд мемориальных статей о коллекционерах театральной живописи: Ю. Рябове, госпоже Спрекелс, С. Лифаре, господине Р. Тобине и собирателях старой и новой живописи А.Н. Демидове (Сан-Донато) и Г.Д. Костаки. Очерки эти читаются с

⁵⁵ Лобанов-Ростовский Н.Д. Россия будет процветать // Лондонский курьер, 2001, 14 декабря. С. 10.

захватывающим интересом, и их единственный недостаток – они сравнительно быстро оканчиваются.

Г. Костаки и Н. Лобанов

Никита Дмитриевич в некоторых интервью почему-то надевает на себя маску невежды. Позволим усомниться в этом. Разве свойственно невежде писать научные статьи по теории русского театрального дизайна, истории собирательства русской театральной живописи? Думаем, что нет. Причем, Никита Дмитриевич выступает в роли

историка искусства не в единичных случаях, а регулярно, им написаны более 200 публикаций по данным проблемам.

А его многочисленные воспоминания о встречах с русскими художниками за рубежом? О поисках картин мастеров отечественного авангарда? Перед нами проходят неспешные рассказы об А.Н. и Н.А. Бенуа, М.З. Шагале, А.А. Экстер, Б.И. Анисфельде, К.Л. Богуславской, С.Ю. Судейкине и еще десятках других творцов. Трудно дать определение этим рассказам, вероятно, – это интереснейшие мемуарные зарисовки. Люди эти уже ушли и свидетельства Никиты Дмитриевича стали драгоценны и неповторимы.

В 2002 г. Никита Дмитриевич подготовил три фундаментальных труда: «О русской культуре», «Выставки в США и России» и «Коллекционеры». Он будет печатать их в ежегоднике Российской Академии наук «Памятники культуры. Новые открытия».

Интересно отметить такую черту характера, как равнодушие Никиты Дмитриевича к наградам. В 2001 г. он был награжден орденом «Святого Императора Николая II – искупителя и страстотерпца» I степени. Вручение ордена было приурочено ко дню открытия мемориального музея князей Лобановых-Ростовских в Филевском парке города Москвы. Получив золотой знак ордена, Никита Дмитриевич не поинтересовался – кто его наградил. Я спросил его, спустя некоторое время: «Кто Вас награждал?» Он ответил: «Господь их знает. Я видел их в день вручения награды первый и последний раз».

Княжеский титул, полученный от рождения, – вовсе никакая не привилегия, а трудная обязанность Рюриковича. Он не стремится занимать никакие государственные должности, к которым при своем образовании и уме мог бы претендовать. Он не стал человеком ни прокоммунистических взглядов, ни антисоветистом.

Никита Дмитриевич всегда чувствует себя русским.

Он делает повседневную работу российского аристократа – возвращает

России утерянное, забытое, растоптанное. Это его долг перед русской культурой. И он его выполняет в меру своих сил и возможностей. За это Россия, может быть, когда-нибудь скажет ему спасибо.

Внешне его жизнь мало чем отличается от стиля доброго английского джентльмена. Посещает старый клуб, которому три сотни лет. Читает много периодики, причем интересуется исключительно статьями об искусстве, арт-рынке и текущей финансовой политике. Регулярно слушает Би-Би-Си.

Никита Дмитриевич практически не пьет. Иногда – бокал хорошего вина или пинту прекрасного английского пива. Из еды он предпочитает печенные овощи, борщ и каши⁵⁶. В молодости увлекался рыбной ловлей и охотой, благо, в геологических экспедициях – это единственное развлечение. В Аргентине он успешно охотился, но потом оставил это занятие. В Англии, в угодьях лорда Иэна Ранкина не мог выстрелить в близко подошедшую олениху, которая, казалось, смотрела ему в глаза. А по охотниччьим правилам в таких случаях стреляют... Увлечение рыбалкой сменили более интересные занятия – изучение творчества художников.

Машину Никита Дмитриевич водит сам, шоfera не имеет, жена Джун (второй брак) также водит машину сама. Повседневно в Лондоне носит костюм с галстуком, современную одежду не любит. Каждое утро совершает прогулки минимально 40 минут в любую погоду. В конце недели вместе с женой ездит в Ричмонд в большой парк на более длительные прогулки. Домашних животных не имеет. Не менее двух раз в месяц печатается в газетах или журналах по вопросам коллекционирования, экономики, арт-рынка, текущих политических событий.

Н. Лобанов и Питер Устинов.
Лугано, 1980

Никита Дмитриевич на первое место среди своих черт характера ставит настойчивость и волю. Не бывает безвыходных ситуаций, – считает он. Никита Дмитриевич полагает, что, если он лишится по какой-либо причине своего состояния, – он найдет деньги на сносную жизнь. Может работать консультантом в банковском деле (недаром к нему пришел Артем Тарасов за советом, который хотел открыть в Монте-Карло частный банк в начале 1990-х годов мощностью в 3 миллиарда долларов). Может работать в нефтяном бизнесе, заняться всерьез консультацией по продаже алмазов. Не

⁵⁶ Лобанов-Ростовский Н.Д. Интервью журналу «Домовой», 1996, февраль, № 2. С. 31–36.

говоря уже о советах коллекционерам в антиквариате и театральной живописи. К нему обращаются за консультацией многие собиратели и музейщики. Так что Никита Дмитриевич с голоду не умрет.

Н.Д. Лобанов живет наполненной жизнью. Его дом часто посещают друзья со всего мира: А. Шлепянов, В. Дудаков, М. Пиотровский, Д. Сарабьянов, Д. Боулт, М. Мюллер, Питер Устинов, Р. Бакл, В. Тесленко, Г. Васильчиков, В. Енишерлов, С. и А. Кравченко, Е. Эрдман, К. Страментов, С. Ревякин, М. Мейлах, Н. Цискаридзе, А. Лиепа, Г. и В. Рождественские, А. Жюрайтис, В. Квинт, С. и В. Лейферкус и мн. др. Некоторые из вышеперечисленных – журналисты. К ним отношение самое уважительное. Никита Дмитриевич любит журналистов, и они ему платят тем же, нет ни одной статьи или интервью, в которых бы деятельность Никиты Дмитриевича освещалась негативно (исключение составляет статья в «Известиях» 1961 г., но то было в «мезозойскую эру», когда на земле бродили «динозавры»).

А. Вагин. Портрет Н.Д.
Лобанова-Ростовского. 1997

Следует сказать о прекрасном парадном портрете Никиты Дмитриевича работы художника Андрея Вагина (1997). Никита Дмитриевич сидит в кресле в окружении двух памятников искусства: старинной ростовской церкви Иоанна Богослова (1683) и гравюры А.Н. Бенуа к «Медному всаднику» (1905), на котором изображен «дом со львами» А.Я. Лобанова-Ростовского. К великому наследию предков он добавил третью составляющую – свою блестательную коллекцию, символом которой является изображение двухтомника «Художники русского театра».

Деятельность Никиты Дмитриевича является нам пример жизни, преданной искусству. Многое, что он делал в ней, может быть забыто, но здимый, неповторимый и весомый вклад в красоту останется с нами на века. Прекрасного никогда не бывает много. И русский князь Н.Д. Лобанов-Ростовский будет собирать еще долго, все оставшееся время, что отпущено Богом в земной жизни. Ибо жизнь его уже принадлежит не только ему – он положил ее на алтарь искусства. Мы бесконечно признательны за такое служение.

Письма от Л.В. Банниковой

02.08.2016

Дорогой Никита Дмитриевич, благодарю Вас за содействие в публикации замечательной рецензии Виктора Леоницова на книгу Анатолия Павловича «О собирателях и собирательстве» в «Независимой газете» (28 июля 2016, Москва).

Мне присылают из Москвы и Санкт-Петербурга благодарственные письма за книгу директора музеев, звонят коллекционеры. Всем очень признательна за добрую память об Анатолии Павловиче. Без Вашей помощи, дорогой Никита Дмитриевич, я не смогла бы ее издать. Огромное Вам спасибо. Свой финансовый отчет об использовании денег для издания книги я отправила Андрею Леонидовичу Кусакину (чек и договор с издателем).

Еще раз желаю Вам всего самого доброго в жизни и за все Вас благодарю.

С глубоким уважением,
Лариса Владимировна Банникова.

05.01.2017

Дорогой Никита Дмитриевич,
Бесконечно благодарна Вам за доброжелательное внимание к творчеству Анатолия Павловича, весомую материальную помощь, в том числе в издании книги мужа «О собирателях и собирательстве».

С глубоким уважением,
Лариса Владимировна Банникова. г. Приморско-Ахтарск.

15.11.2018

Дорогой Никита Дмитриевич, спасибо за память о Банниковых А.П. и Л.В.

Я заканчиваю подготовку к печати второй книги Анатолия Павловича. В ней одна треть посвящена переписке с друзьями, в том числе, публикую и Ваши письма. Вас часто упоминают другие корреспонденты, а их более 20. Обложка книги твердая, тираж 35 экземпляров, исходя из моих денежных возможностей. Должно быть 200 или чуть более страниц. Вам обязательно её пришлю.

Желаю Вам, дорогой Никита Дмитриевич, больших успехов в общественной деятельности на благо нашей России.

С глубоким уважением, Лариса Владимировна. г. Приморско-Ахтарск.

Виктор ЛЕОНИДОВ

Из концлагеря в международный банк⁵⁷ О Петре I, Николае II, русских генералах и полуподпольных коллекционерах в СССР

Анатолий Павлович и Лариса
Владимировна Банниковы, 2008 г.

«Страшно жалею. Русская культура потеряла труженика и бойца, который долгие годы обогащал нашу культуру своим подвижническим трудом», – так писал в июне 2011 г. коллекционер и меценат Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский Ларисе Владимировне Банниковой, когда узнал о неожиданной смерти ее мужа, замечательного исследователя и искусствоведа Анатолия Павловича Банникова.

В мире нашего искусствознания Банников представляет явление совершенно удивительное. Человек, живущий в городе Приморско-Ахтарске Краснодарского края, геолог по первому образованию, явил пример блестательного библиографа и исследователя истории искусства. Он переписывался со всем миром, его высочайший профессионализм

признавали ведущие институты и историки искусствознания. Анатолий Павлович беспрерывно пополнял свою немыслимую по объему кладовую фактов, так или иначе связанных с русским художественным наследием. Но особенно его влекли персоналии – люди, посвятившие себя собиранию культурных ценностей. Банников поразил буквально весь мир, когда в 2007 г. появился созданный им «Энциклопедический словарь российских коллекционеров от Петра I до Николая II», включавший в себя 2110 имен. Какой огромной, самосжигающей работы это потребовало, особенно если учесть, что автор, хотя и закончил в Ленинграде факультет теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры, жил все-таки вдали от столиц.

Он писал о Серебряном веке, о Дягилеве, об усадьбах и меценатах екатерининского времени. И продолжал работать над другим справочником, лелея мечту представить племя коллекционеров советской эпохи, вышедших из «полуподполья» после начала перестройки. К

⁵⁷ Независимая газета, приложение Экслибрис, 2016, 28 июля.

великому сожалению, окончить свой труд он не успел. И вот сегодня в его родном Краснодарском крае маленьким библиофильским тиражом увидел свет справочник «Собиратели и хранители прекрасного: Энциклопедический словарь советских коллекционеров (1918–1991)».

Он вышел в составе большого тома Банникова «О собирателях и собирательстве». За книгой этой, уверен, будут гоняться историки искусства и библиографы, а также надеюсь, что очень скоро она будет переиздана. Слишком большой массив фактов вошел в это уникальное издание.

Анатолий Банников. *О собирателях и собирательстве.*
Краснодар:
Stadtgespraech, 2015,
400 с.

Книгу открывает большое предисловие вдовы исследователя. Она рассказывает о фантастическом служении своего мужа искусству, о тех, кто помогал ему в его непрекращающемся труде, как его дарили своей дружбой уже упоминавшийся Лобанов-Ростовский, неутомимый путешественник и собиратель гравюр Андрей Кусакин и один из самых выдающихся историков древнерусской культуры Герольд Вздорнов и много других искусствоведов и коллекционеров. Затем представлены оба словаря: «Энциклопедический словарь российских коллекционеров от Петра I до Николая II (1700–1918)» и «Энциклопедический словарь советских коллекционеров (1918–1991). Коллекционирование в СССР» – гигантская работа его жизни.

Конечно, во многом сведения часто неполные, обрывочные – сказывалась невозможность каждодневного посещения центральных библиотек и архивов. Однако масштаб всего сделанного таков, что это абсолютно не снижает ценности работы.

Как известно, советская власть долгие годы рассматривала коллекционеров исключительно как жуликов, сошедших с единственной верной светлой дороги к коммунизму. Банников представляет огромную галерею лиц, большинство из которых здравствуют до сих пор, которые все-таки пошли наперекор существующим предрассудкам.

Перечислять кого-то в короткой рецензии нет никакой возможности. Врачи, военные, искусствоведы, артисты, партийные работники – все они не могли противиться своей страсти и самозабвенно создавали свои собрания. Еще одна значительная часть книги – труд, посвященный уже упоминавшемуся Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому. Великому коллекционеру, создавшему огромное собрание театральной живописи.

О нем пишут много и охотно. Рюрикович, сын расстрелянного в послевоенной Болгарии потомка одного из самых знатных родов, он прошел путь от мальчика, умиравшего с голоду в тюрьме, до вице-

президента международного банка и одной из самых главных фигур в истории художественной жизни современной России. Во многом благодаря ему мы обрели невероятный пласт великого русского наследия первой половины XX столетия. Среди всего опубликованного о Никите Дмитриевиче работа Банникова – одна из самых глубоких и фундаментальных.

Завершается книга статьей о русских генералах и их последователях, собиравших реликвии 1812 года. Верный себе, Анатолий Павлович также представляет биографический синодик тех, кто посвятил себя созданию коллекций предметов искусства и истории, связанных с войной против наполеоновской армады, – от князя Михаила Воронцова до участника боев в составе армии Колчака Евгения Мало, умершего во Франции в 1980 г.

Жизнь Анатолия Банникова – это тихий подвиг, это настоящее служение русскому искусству и памяти о замечательных людях, также посвятивших жизнь прекрасному, несмотря на все испытания истории.